

Фронтъера Периферия

Елена Косилова

Диптих Елены Косиловой посвящен в символическом виде борьбе добра и зла. Герои первой части физики и аналитики, их борьба мысль и молитва. Хорошо вооружены и отбивают атаки противника, захватившего остальной мир. Жанр диптиха символический, под миром, в котором действуют герои, понимается мир нашей мысли. Рассчитан на широкий круг читателей, которых волнуют темы добра и зла.

ISBN 978-5-93883-278-7

ЕЛЕНА КОСИЛОВА

Фронтъера Периферия

Москва

Издатель Воробьев А.В.

2015

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
К71

ЕЛЕНА КОСИЛОВА

К71 **Фронтьера. Периферия.** — М.: Издатель Воробьев А.В.,
2015. — 68 с.

ISBN 978-5-93883-278-7

Диптих Елены Косиловой посвящен в символическом виде борьбе добра и зла. Герои первой части — физики и аналитики, их борьба — мысль и молитва. Хорошо вооружены и отбивают атаки противника, захватившего остальной мир. Жанр диптиха — символический, под миром, в котором действуют герои, понимается мир нашей мысли. Рассчитан на широкий круг читателей, которых волнуют темы добра и зла.

© Елена Косилова, 2015

ISBN 978-5-93883-278-7

© Воробьев А.В., оформление, 2015

Художественно-литературное издание

Подписано в печать 28.08.2014. Формат 60x88/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 4,25. Уч.-изд. л. 3,01. Тираж 300 экз. Заказ № 64.

7720376@mail.ru Издатель Воробьев А.В.
г. Москва, ул. Профсоюзная, 140-2-36. **8(495)772-03-76**

Типография ООО «Телер». 125299, г. Москва, ул. Космонавта Волкова, д. 12.

Лицензия на типографскую деятельность ПД № 0059

Фронтьера

Рассказываю о Фронтьере я, зная, что никогда туда не попаду.

Чтобы попасть туда, нужно обладать особого рода безгрешностью, суть которой трудно объяснить. Как раз грешников в обычном смысле там довольно много.

И много их там было, когда Генералом-Настоятелем стал Первый нашей эры — его имя пропало в прошлой жизни и заменилось безличным обозначением: Первый. Почему Генерал-Настоятель? Так закрепилось, и это верно отражало то, что Фронтьера была одновременно монастырем и военизированным подразделением. Но, пожалуй, вернее было называть Первого академиком, или генерал-академиком, или академик-настоятелем... Ибо главное искусство на Фронтьере было наука. Обычный монах или обычный воин ни за что не поняли бы, что делать.

Фронтьеру можно представлять себе как двухэтажное деревянное здание на вершине горы. Один склон горы относительно пологий и переходит в долину, вдалеке которой виднеются признаки обитания человека. Противоположный склон обрывается в ущелье. Что там дальше, скрыто в темном тумане. Из ущелья время от времени доносится гул.

Тогда придется сказать, что дело Фронтьеры — это погода. С далеких низких степей, которые тянутся за ущельем, ветер приносит ненастье. Его надо вовремя распознать и оповестить о нем тех, кто живет за горой, в долине.

Но это очень плохая аналогия. Ибо дело Фронтьеры не погода, и на Фронтьере не наблюдают, а сражаются.

Можно представлять Фронтьеру научным центром, наподобие Ликейя. Тогда все Генерал-Настоятели — наследники Платона и Аристотеля. За спиной ее находятся школы, а впереди, со стороны ущелья... Вот этому нет аналогий. Пусть это будет профанное знание.

И тогда оттуда на Фронтьеру несутся *мысли*. Правда, не всегда, а только когда ненастье.

Еще много как можно представлять Фронтьеру. Она, конечно, не здание и не учреждение, но смысл. И люди в ней, начиная с Генерал-Настоятеля, не люди из плоти и крови. Хотя можно представлять их и так. Во многих случаях представлять их как телесные существа гораздо удобнее, чем, допустим, как чистые мысли. Ибо они отнюдь не мысли. У них очень разные и часто очень странные истории.

Нынешний Генерал-Настоятель физик. На некотором расстоянии от Фронтьеры, на соседней с ней горе, расположен такой же форпост, над другими равнинами. Тамошний генерал-настоятель математик. Если рассмотреть всю цепь форпостов, то, наверное, можно найти кого угодно. Но и соседние-то форпосты друг от друга далеки, так что генералы почти никогда не встречаются (письма, правда, посылают).

Кроме Генерал-Настоятеля, на Фронтьере мы бы встретили воинов-монахов, которых, может быть, стоило бы называть учеными, а также людей, занятия которых на первый взгляд кажутся непонятными. Чтобы понять, что они делают, надо иногда долго приглядываться. Все определяет генерал. Нынешний, Первый, очень суров и почти никого к себе в отряд не берет. Его решения непонятны, но не обсуждаются.

Меньше народа — чаще дежурства и вахты, чаще боевые действия. Воины никогда не уклоняются от сражений, ибо те, кто хотел уклониться, сюда не попали. Каждый из них знает, что даже если он останется один, он будет стоять и сражаться до последнего. Поэтому что им с того, что Первый не расширяет отряд? Тем надежнее проверенные товарищи. Очень важно знать, с кем сражаешься бок о бок. Мысленные сражения менее предсказуемы, чем телесные.

Когда воин не занят, он спит или уходит в увольнение в долину. В долине стоят монастыри, а в них — тыловые подразделения. Равнинные монахи менее воины, чем горские, но обычно они глубже как ученые. Так что к ним приходится часто обращаться, когда Фронтьера имеет дело с вражескими мыслями.

Первый никогда не отлучается с Фронтьеры. Когда он спит, вместо него на вахте трое или четверо, и они еще на всякий случай проверяют связь с ближним равнинным монастырем и с соседними форпостами. А спать он ложится только тогда, когда нет опасности. Он знает, когда есть опасность, а когда нет. Он великий ученый.

Первый суров и иногда слишком. Он не берет в отряд философов, писателей, гуманитариев, художников, журналистов (политиков даже не подпускает близко). Не то чтобы они часто стремились на Фронтьеру, но бывает; а некоторых посылают туда из равнинных монастырей, потому что они воины по духу. Покаяние всем доступно, даже, бывает, журналистам. А философам иногда особо и не в чем каяться. Может быть, он боится, что гуманитарии не поймут его приказаний? Ведь сам он физик.

Но нет, отвечает Первый, тут дело именно в том, что они недостаточно тверды. А надо быть твердыней. Твердыней веры.

Вот так, когда на Фронтьеру пришел Аналитик, Первый его послал назад. Когда-то давно они были знакомы, Первый (тогда он еще не был первым, но был великим физиком) и тогда увидел его очень слабую внутреннюю сущность. Тогда он еще видел словно через тусклое стекло, гадательно. Но и тогда приходили прозрения. Приходили они непрошеными и обычно необъяснимыми. Сам себе он верил, но никого бы убедить не смог.

А вот здесь он видел Аналитика насквозь, уже не гадательно, а познавал так, как сам познан. Уже не надо было бы никому доказывать, что этот человек по натуре не воин, что он слаб, робок. И он очень далек от твердости в вере. Более того, Аналитик не имел веры совсем, он и не утверждал, что имеет. И даже еще более того.

— Ты же проститутка смысла, — мрачно сказал ему Первый. — Тебя имели все, кто хотел, все мысли, все смыслы. Совершенная бесстыдная смысловая проститутка. Ты хотел испытать все, что только мог. Что ты собираешься делать на Фронтьере? Первая же вражеская мысль опять будет иметь тебя.

— Люди меняются, — возразил Аналитик. У него был тихий голос. Говорил он опустив голову. И вообще держался так, что лучше всего было представлять его все время стоящим на коленях.

— Да — меняются, но я вижу тебя таким, каков ты сейчас, — сказал Первый. — Новообращенный монах и прекрасный ученый. И абсолютно никакой воин. Ты сам-то понимаешь, что здесь делается? Здесь война, а не наука. Иди на равнину. Там в монастырях достаточно проблем, которые ты можешь анализировать.

— Не те проблемы, — возразил тот. — Не мои. Мои здесь.

— Не выдержишь, — уверенно сказал Первый. — Я запрещаю тебе находиться на Фронтьере и приказываю отправляться на равнину, которую ты должен пересечь до противоположного форпоста. Поднимешься туда, спросишь, нет ли новостей для меня. Если есть, вернешься и передашь мне. После этого еще раз подумаешь, чего тебе надо. Иди.

Кто-то, может быть, подумал бы, что Аналитик не вернется. Первый, видимо, так и думал. Но он, очевидно, недооценил его стойкость. Тот вернулся один раз, опять был послан на другой форпост, опять вернулся, был послан в третий раз и вернулся опять.

В это время на Фронтьере был с визитом ученый из одного из дальних равнинных монастырей. Встретившись с Аналитиком и услышав его историю, он покачал головой.

— Оставь его у себя, о Первый, у тебя нет другого выхода, — посоветовал он, и Первый согласился с видимой неохотой.

Еще долго Первый не любил Аналитика. Тот его, может быть, тоже не любил, но повиновался беспрекословно, быстрее, чем ему приказывали. А может быть, любил; его чувства были не видны. Он сам старался быть незаметен. Первый был уверен, что Аналитик чужой человек на Фронтьере, потому что у него нет ориентации, которую дает вера. Ему все равно, что думать. Все равно, к какому выводу прийти. Вывод ведь всегда не один, и верующий воин идет к истине, а куда идет смысловая проститутка? Куда интереснее. Или куда выгоднее. Или куда ближе.

Напрямую, правда, назвать Аналитика смысловой проституткой было бы неверно: он был бескорыстен. Проститутка отдается за деньги, а он пробовал смыслы на интерес. Так что скорее он был повинен в смысловой неводержанности. Ницше, Достоевский, Гегель — ему все было интересно. У него была огромная тонкость видеть подспудное, отличать подлинное от фальшивого. Но не было датчика веры, который бы сигнализировал: «это то, а это не то».

Ибо сила врага, который противостоит Фронтьере, в том, что на его стороне есть интересное, подлинное и верное. На его стороне нету того, о чем датчик веры сигнализирует: «то».

— Люди меняются, — повторял Аналитик, когда его спрашивали, зачем ему быть воином.

— Разве ты обрел веру?

— Нет, но обрел деятельное желание очищения. Я отравился тем множеством смыслов, которые пропустил через себя и понял. Одно время мне было очень плохо. Я покаяться и изменился. Воздержание. И смирение. Вот чего я теперь держусь. А понимаю я не хуже, чем всегда, и этим могу послужить.

Смирение ему пригодились на каждом шагу, потому что Первый обращался с ним униженно. Никогда не говорил с ним о серьезных вещах. Действовал категорический запрет Аналитику подниматься на второй этаж Фронтьеры. В основном его заставляли мыть пол. Фронтьера содержалась в полной чистоте, это был один из железных принципов, которые держал и Первый, и другие генералы.

Мыть пол — аллегория; примерно так же можно было бы сказать: проверять правописание, искать мелкие ошибки. То и другое означает борьбу с ползучим хаосом, проникающим изнутри в дыры и щели бытия. Но мыть пол униженнее, потому что его иногда топтали по беспечности удалые разведчики дальних болот; Аналитик мыл за всеми подряд, не дожидаясь приказаний.

Разведчики — особый отряд Фронтьеры, под командованием непосредственно Первого; воины, не монахи. Ну, то есть как не монахи.

Вера тверда, иначе что делать на Фронтъере? Но рядовые воины-монахи, и они же ученые, примерно с равной силой сражаются, молятся и изучают. Кто-то больше, кто-то меньше. Разведчики же почти не молятся. В изучении они тоже не глубоки, понимают в общих чертах. Они отличаются интуицией и ловкостью, вкупе с недюжинной отвагой в путешествиях по болотам. Ибо чтобы попасть в болота, надо еще сначала спуститься с почти отвесной скалы, которой гора обращена в противоположную сторону от долины. Спустившись с горы, попадаешь в степи, где куются ветры вражеских мыслей. Их надо миновать (миновать то, с чем батальон воинов Фронтъеры не может справиться без сражения!). И только после степей можно попасть в болота, где вражеские мысли зарождаются. А можно не попасть. Можно, например, заблудиться и даже попасть в плен. Хотя никто из разведчиков Фронтъеры туда никогда не попадал.

Каково само путешествие по болотам, знает только тот, кто там бывал. Как разведчики ухитрялись там бывать и возвращаться, мало кому понятно. Первый просил небеса послать ему второго — для управления разведотрядом. Надежного, настоящего Второго. Такого же, как он, академика, генерала, схимонаха и к тому же разведчика.

Однажды это произошло.

Второй был профессор и полковник, тоже физик, и тоже крепко держащийся веры — так крепко, что пока прорывался к Фронтъере, а путь его пролегал по горам, от его громкого пения псалмов и молитв там установилась тихая испуганная погода. В смысловой глубине души это был сильный и светлый человек, но обделенный выдержкой. Случалось ему в молодости быть удальцом, а потом проехаться по наклонной дороге пристрастия к водке едва ли не до дна. Случалось сильно любить и сильно ненавидеть, второе даже слишком сильно. Случалось бороться и за, и против. Случилось и узнать истину. Узнав, он уже от нее не отрекался. Точнее, узнав направление к ней, шел не сворачивая.

Мир истины сложно устроен, и ему встретились там те люди, которых он не ожидал встретить. Многие из тех, кого он обидел по глу-

пости, будучи еще удалым молодцом. Немало пришлось ему испытать стыда и просить прощения.

Но и врагов он уложил немало.

Перед Фронтьерой его встретил один из разведчиков, скомандовал остановиться, профессор остановился.

— Куда идешь? — спросил разведчик.

— В ставку командира.

— Кто ты?

— Я воин, — ответил тот. — И вижу, что воинов не хватает. Я вижу, что целые поля заросли бурьяном. Я видел на них следы врагов и уничтожил, кого смог. Но иду, чтобы присоединиться к здешним отрядам, ибо в одиночку справиться не могу. И чтобы найти тех, кто мне объяснит, что делать, потому что по-настоящему ничего пока еще здесь не понял.

Разведчик без дальнейших вопросов отвел его к Первому.

Второй поклонился до земли, поцеловал первому руку, попросил:

— Благословите, владыко.

Научился уже смирению и вежливости.

— И окормите. Нужно руководство.

На самом деле оба тут же опознали друг в друге коллег физиков. Первый увел его на второй этаж, к себе в келью. Их видели на крыше Фронтьеры, Первый показывал ему картину мира сверху. Они говорили долго-долго, о чем, неизвестно. Слышались их голоса, но не слова. Голос Первого, обычно мрачный, отрывистый тон, звучал все живее, все веселее. А голос Второго, хотя обычно громкий, наоборот, был тих, и тон задумчив. То, что он узнавал, его озадачивало. С такими врагами он еще не боролся. Но у него горели глаза. Он был готов в разведку.

Разведотряд построился на площади около здания, полковник Второй принял командование. Или, можно сказать, монахи вынесли хоругви, и нового кардинала посвятили в сан. Или, можно сказать, группа аспирантов получила нового руководителя профессора. И он их озадачил сложными вопросами к защите.

Оставив Второго вместо себя, Первый наконец-то смог ненадолго отлучиться с Фронтьеры. Ибо даже генералу нужно иногда побывать на равнине. Пожить в монастыре — прикоснуться к спокойным святыням, послушать мирную службу, без спешки исповедоваться, и вообще побыть не генералом, а простым паломником. Пока шел, он понял, что так привык держать на своих плечах Фронтьеру как груз, выносить весь вес ее, что боится согнуться, чтобы она не рухнула с плеч.

Не то чтобы он был совершенно спокоен, что Второй может его заменить — не нужно было глядеть насквозь, чтобы понять, насколько тому не хватает вдумчивости — но он просто об этом не думал. Он уже давно опасался, что за делом Фронтьеры он начинает терять дело самого себя. И надо было восстанавливать его, это дело себя. Когда капитан теряет личный курс, весь корабль сбивается с курса. Тогда уже можно просто жечь Фронтьеру и открывать путь врагам к равнине. Она все равно перестанет тогда быть боевым кораблем.

А сейчас она боевой корабль под командованием помощника капитана, которому, правда, не хватает дальности боя, но в ближнем бою он по-прежнему непобедим.

Второй обращал на Аналитика не больше внимания, чем на пустое место. Может быть, про себя что-то думал, но не говорил. Суровым с ним тоже не был. Ему было попросту не до этого. Он, в отсутствие командира не отлучаясь с Фронтьеры, руководил разведчиками и воинами-монахами. А Аналитик молча продолжал делать привычное дело — следить за чистотой. Кстати, стало намного чище. Если какой-нибудь разведчик, возвращаясь, забывал у порога снять сапоги, он тут же получал от Второго дисциплинарный наряд, не ради заботы об Аналитике, а из требований порядка. И сам Второй, хотя от природы не отличался аккуратностью, неукоснительно исполнял требования порядка. Так надо было на войне.

Так вот, судьба Аналитика изменилась, когда Первый вернулся с равнины. Фронтьера в первый раз видела его таким здоровым, радостным и красивым (сколько уж времени к тому моменту он был суров). Воины-

монахи вынесли красный ковер на дорогу к дверям, стояли вдоль и пели. Первый всех обнимал, у всех спросил, что было без него. А Аналитик, который привык, что с ним обращаются как со шваброй, и который не был воином, привычно стоял за дверью. Собирался, как обычно, мыть пол, когда празднование возвращения настоятеля подойдет к концу.

И вот когда Первый его увидел, он посмотрел на него по-новому. Словно бы до него вдруг дошло, что Аналитик не швабра. Прежде всего он ему сказал:

— Сейчас иди спать.

Тот с привычной покорностью поклонился. Но потом уточнил:

— Где? — Ибо у него не было своего места. Он обычно стоял за дверью.

— С тобой обходились безжалостно, а ты терпел; это большой подвиг, — признал Первый. — Иди спать сейчас у меня в келье. А потом я отведу для тебя кабинет.

О сне на Фронтъере нужно сказать особо. Это не только отдых и даже вообще не отдых. Это некоторым образом возврат к себе. Во сне являются видения. Эти видения восполняют то, что не удается понять с открытыми глазами. Кроме того, они возвращают назад те мысли, которые при открытых глазах ушли слишком далеко. Поэтому тем, кто много думает, спать необходимо. И Первый, и Второй иногда спали. А Аналитика не просили думать, соответственно и не предлагали ему спать. (Впрочем, если бы он заснул, никто бы не возражал, да и не обратил бы внимания; вероятно, всем казалось, что он не хотел.)

Он заснул надолго, разговоры в келье Первого ему не мешали. Ему снились очень странные вещи, что, собственно, всегда так бывало. В этом, том, что ему снилось, разбираться можно было дольше, чем в любой задаче жизни.

Когда он просыпался, он услышал фразу «Христос был Козерог по гороскопу». Она его как бы ужалила, и он проснулся. Какое-то время он не мог вспомнить всего, что было до этого. И сказал, не обращаясь ни к кому, уверенно:

— Нет. Христос не был Козерогом. Так нельзя сказать.

Оказалось, на него внимательно смотрит Первый.

— Христос родился в декабре, в Израиле, среди иудеев, но он не был Козерогом, евреем, иудеем. Это акциденции в отношении его. Они ничего не могут в нем определить, — пояснил Аналитик.

Первый кивнул и усмехнулся. Аналитик тут уже проснулся и тогда сообразил, что напрасно он рассказывает это Генерал-настоятелю, академику.

— Простите, — извинился он.

Первый сделал рукой обычный знак священнослужителя, что нет вины. Помолчал, усмехнулся, еще помолчал, стал серьезным и помолчал еще.

Потом сказал:

— Ты нам нужен. Нет сомнения. Но ты же не воин. Как же тогда, спрашивается, сделать, чтобы тебя не уложили в первом же сражении?

Аналитик не знал и опустил голову. Снова стало похоже, что он стоит на коленях.

— Я, пожалуй, могу продумать вопрос, как в общем плане формулируется та платформа, исходя из которой возникают такие фразы, как «Христос был Козерог», — сказал он.

— Да, эту платформу надо знать в словах, это полезное дело, — согласился Первый. — Не она у врага главная, но и с нее кое-что начинается. Сделаем тебе тихий кабинет, бронезащитный. Пиши там.

— А что это было, кто это сказал? — спросил Аналитик. — Я услышал во сне и не понял, каков источник.

Первый махнул рукой.

— Ты же на втором этаже Фронтьеры сейчас, где ты раньше не был. Здесь опасно, хотя я свою келью хорошо защитил. Но мелкие вражеские мысли летают почти везде. Мы на них не обращаем внимания. Это как мухи. Все просто могут их прихлопнуть одной рукой. А ты настолько слаб, что тебя зацепило, ты начал думать. Никому из

воинов это бы в голову не пришло. Он прихлопывают муху при первых же признаках появления астрологии.

— Тут есть над чем подумать, — не уступил Аналитик.

— Я не говорю, что нет, — согласился Первый. — В высокой чувствительности есть свои плюсы, только по-прежнему непонятно, почему надо этим заниматься именно на Фронтьере. Мне казалось, на равнине у монахов намного больше возможности сосредоточиться, мух там нет, не говоря уже о пулях. А здесь не просто мухи и пули, а бывают и ураганы, и бомбы.

— Мой курс таков, что я должен, значит, бороться с мухами, — сказал Аналитик. — Я ведь отравился когда-то.

Первый пожал плечами — довод не казался ему существенным.

— И, кстати, умеешь ли ты молиться? — спросил Первый.

— Да, конечно; ведь как бы я пришел сюда, если бы мои молитвы и просьбы не были услышаны? Путь к Фронтьере хорошо оберегается.

— Этого мало. Я вижу тебя и знаю таких, как ты. Вы просите своими словами. А молиться надо уметь. Это техника. Надо знать верные слова, верный порядок слов, верные движения, верные мысли. Выучи для начала молитвослов наизусть, — он протянул ему книгу. — Потом возьмешься за более трудные техники.

Аналитик поклонился, взял, не удержался и спросил:

— Если молитва — это техника, то чем она отличается от заклинания?

Первый посмотрел на него мрачно.

— У кого достаточно веры, не задает таких вопросов, — сказал он. — Объясняю. Заклинание — это фиксированная последовательность бессмысленных слов, являющихся инструментами для достижения цели, внешней по отношению к ним. Молитва — это фиксированная последовательность осмысленных слов, целью которых является именно то, что содержится в словах. Одна и та же последовательность слов может быть и заклинанием и молитвой в зависимости от цели. Например, если ты произносишь «Отче наш, иже еси на

небеси... да будет царствие Твое», — чтобы тебе, условно говоря, что-то дали, то это заклинание. Но если ты произносишь это именно для того, чтобы наступило царство Бога — это молитва.

— Я понял; мне стыдно за поверхностную ассоциацию, — извинился Аналитик.

Но ассоциации в деле анализа неизбежны и необходимы.

Аналитик поселился в своем защищенном кабинете. Время его разделялось на учение молитв и анализ философской платформы астрологии. Ее сверхдетерминизм не оставлял места не только воле человека, но и божественной воле, а главное — опрокидывал возможность ее самой, потому что то, что познано, действует уже не так, как непознанное. Чего хотят те, кто изучает ее? Объяснять и предсказывать или изменять и использовать? Или объяснить все, что было, некоей причиной, но себе все же оставить свободу на будущее? Ибо ведь абсолютно детерминированное и осознать нельзя. Разве кто-то осознает то, что происходит само собой? Сознание возможно только там, где свобода, хотя бы только как незнание.

Первый был доволен, когда Аналитик это ему сказал.

— Понимаю не сразу, в отличие от физики, но в душе соглашаюсь, — сказал он.

И эти упражнения Аналитика пригодились совсем скоро.

Появление на Фронтьере Толкователя было самым удивительным событием за всю ее историю, а история насчитывала тысячи лет.

Путь на Фронтьеру возможен только или с равнины, от тамошних монастырей, или по горам — от соседних форпостов. Оба пути охраняются. Почти все, конечно, приходило с равнины. Епископов, профессоров, офицеров сразу разведчики отводили к Генерал-Настоятелю, да они их лично знали, а рядовых останавливали и сначала допрашивали. Очень редкие случаи, когда на Фронтьеру с равнины пытались проникнуть враги, отсекались разведчиками. Но если бы разведчики не отсекали, сразу распознал бы Первый. С гор приходили воины форпостов или такие люди, как Второй, но это очень редко.

Все знают, что сторона, к которой Фронтьера повернута лицом, — это сторона врага. Там степи и болота. Враг, конечно, эти степи и болота считает дворцами и мегаполисами, но от Фронтьеры они кажутся мертвыми. Гора в эту сторону обрывается отвесно. Разведчики, чтобы спустаться и подниматься, пользуются веревочными тросами.

За болота разведчики не ходят. По их согласным докладам, там начинается мороз. Идут топи, несовместимые с жизнью, а за ними иногда можно разглядеть снежные равнины. Второй лично возглавлял несколько далеких десантов. Разузнали много о вооружениях, стоящих в болотах, но о том, что за болотами, не узнали ничего нового. Ни один враг в зону мерзлоты не заходил. Там было все мертво, абсолютно пустынно.

Так вот, Толкователь пришел с той стороны. Это был первый и последний случай за всю историю Фронтьеры.

Каким образом он вышел из того мира, где жил раньше? Если бы тем, каким все выходили, он оказался бы на Фронтьере со стороны равнины. А если бы каким-то особенным, то вообще бы на Фронтьеру не попал. До и после него всех особенных выходцев всегда улавливал враг. Ведь мимо его вооруженных расположений так или иначе надо пройти.

Толкователь прошел, но раньше этого он прошел через снежные равнины. А еще раньше он шел по лабиринтам, по городским трущобам, по бесконечным странным улицам. Позже он рассказывал. По этим улицам он смог пройти благодаря тому, что у него были огромные знания, он собирал их всю жизнь. В городах было много собак, которые его едва не разорвали, но он уворачивался, прятался в подвалах. Люди его не замечали, а собакам он был как кость в горле.

Потом шли уже совершенно пустынные улицы, заброшенные заводы с выбитыми стеклами, отравленные реки и больные леса. А потом снежные поля. И вот тут уже никакие знания не могли спасти. Надо было просто идти сквозь снег. И Толкователь шел.

Когда-то давно Толкователь был хорошо знаком и с Первым, и со Вторым, и с Аналитиком. Позже их пути разошлись. Они так или

иначе хотели сделать выбор и сделали. Первый вообще всегда жил с одним твердо сделанным выбором. А Толкователь изучал карту территории. Только этим он всегда занимался. Делал это со слов других, которым удалось побывать где-то. Несколько раз его заносило в преддверие лабиринтов, когда он был еще не готов, и тогда он использовал знания, чтобы вернуться. То есть он был одинокий разведчик. Но разведчикам Фронтьеры и не снилось того, что он сделал.

Каким образом он прошел через лабиринты улиц — это понятно. На улицах есть приметы, да там можно возвращаться. А вот как он прошел сквозь снежные поля?

— Это чувство, — объяснял он позже. — Там действительно ничего не видно, там частые бури, очень холодно, идешь, кажется, бесконечно. Да, мне кажется, что я шел по снежным полям дольше, чем жил всю жизнь. И куда идти, я знал чувством. Там ведь не совсем пустые поля. Они очень поляризованы. Чуть свернешь — сразу чувствуешь. Там все буквально заряжено, как магнитом.

Так он рассказывал позже.

Пройдя по полям, он вышел к болотам уже другим человеком. Он был так легок, что миновал топи по кочкам, хотя все там тонули. А он и не заметил.

Потом были болота, под завязку набитые вооружениями врага. Толкователь прошел мимо болот, то ли не замеченный, то ли принятый за своего. Поскольку он был полиглот, он говорил с врагом на его языке. Кто-то, кажется, его разоблачил, но недооценили опасность. Хотели просто убить, выстрелили несколько раз, а он охнул, прикрыл рану рукой и пошел дальше, хотя, по правде говоря, это было безрассудство, потому что крови почти не осталось.

Дальше шли все более жилые степи, хотя согреться было уже поздно; а в конце пути он пришел к отвесной стене горы, вздохнул... взял камень, чтобы выбить ямки для руки и ног, и полез вверх. Если бы он упал, он бы, видимо, или уже умер, или полез бы снова так же.

Позже он этого не помнил. Видимо, он действовал уже бессознательно. Может быть, в нем ожила какая-то древняя программа из нечетной глубины его знаний. Но много лезть ему не пришлось.

На стене он был, наконец, замечен разведчиками. Сами они никогда так не лазили. Второй, чья реакция была мгновенна, стремительно съехал по тросу вниз, залез по лункам Толкователя, схватил его, привязал к тросу и сверху втащил наверх.

Вся Фронтьера замерла. Толкователь медленно встал на землю, окинул взглядом место, куда пришел, увидел Первого, который стоял у входа. Вздыхнул и медленно упал. И кровь, и силы кончились.

— Толкователь, — не веря себе произнес Первый. А остальные его не узнали, хотя он был знаком со многими.

Второй резко спросил:

— Он умрет, что делать?

— Воды, — ответил Первый, — и сам же подхватил ужасающе невесомое тело и побежал вниз, с горы, от Фронтьеры на равнину, туда, где текли ручьи.

Второй в оцепенении смотрел ему вслед, а все остальные, в оцепенении — на Второго.

Второй остался за генерал-настоятеля. Аналитика и еще двух воинов он послал вслед за Первым, а на Фронтьере объявил чрезвычайное положение и бдение. Что будет, он не знал, но что происшедшее не пройдет бесследно, было очевидно.

Толкователя спасали с помощью воды и долгих молитв, которые читали Первый и монахи, чередуясь перед полубездыханным телом. Периодически тело начинало трясти. Трясло сильно, как бы в судорогах. Кое-как удалось его отмолить от полного исчезновения. Но он лежал без сознания, ни на что не реагировал. Аналитик, хотя он Толкователя раньше не любил, в молитвенной службе принимал участие усерднее, чем остальные; почему-то ему казалось, что будет очень страшно, если того не станет.

Несколько раз Первый погружал его в воду с головой.

Наконец судороги стали реже. Когда они прекратились, Первый велел двум монахам отнести Толкователя в ближний равнинный монастырь. Оттуда уже вышли навстречу несколько человек, их вызвали с Фронтьеры, сигналив огнем. Горные монастыри обычно используют огонь для сигналов, потому что его видно издалека, а равнинные сигналият колоколами. На равнине, впрочем, редко происходит что-то необычное.

Сейчас Фронтьера сигналила — во все стороны, всем. Пока Первый и двое монахов читали молитвы у ручья, Второй расположил всех воинов по периметру здания. Сам стоял на крыше, поднимая руки к небу и читая боевые псалмы, как молятся перед боем. Четверо монахов жгли костры на башнях. Хотя пока на вид все было спокойно. Разведчиков не посылали на болота, чтобы не потерять людей. Ибо ясно, что в стане врага царило смятение.

Ведь если смотреть под определенным углом, происшедшее было все равно как если бы живой человек нашел лестницу на небо.

Ближние форпосты прислали на помощь воинов и на всякий случай укрепились сами. Дружина Фронтьеры увеличилась в два раза. Равнинные монастыри присылали ученых-монахов в помощь не самой Фронтьере, а тому ближнему к ней равнинному монастырю, куда отнесли Толкователя.

Первый и Аналитик возвращались на Фронтьеру.

— Все уверены, что будет бой, но почему? Что именно в сущности случилось? — спросил Аналитик.

— Дорога сюда из далеких миров в обход врага означает колоссальное перераспределение представлений о том, что происходит, — ответил Первый. — Мы очень ослаблены сейчас, пока не поняли этого сами. Разрушена неуязвимость Фронтьеры. А на свежую рану акулы всегда собираются. Но и враг, конечно, уязвлен. Толкователь как пуля, которая насквозь пролетела через два тела. Конечно же, в интересах врага не дать ему прийти в себя. Иначе на нашей стороне будет знание о том, как устроена эта дорога. В принципе — возможность пройти по

ней. В еще более далеком принципе — возможность попасть в дальний мир и оттуда атаковать врага с тыла. Обычная дорога контролируется и нами, и врагом, и там все ясно — кто куда идет, кто куда попадает. А этот путь — это нарушение всякого мыслимого равновесия.

На Фронтъере и внизу собирались люди. Последним пришел очень старый Академик-Архимандрит центрального монастыря равнины, к которому обращались «Святой Отец». Он помнил многое из прошедших времен. И как только он пришел, началась служба особым чином, ради очищения, освящения и отогнания темных сил.

Она длится очень долго. В перерывах Святой Отец рассказывал, что помнил.

— Всего таких случаев на моей памяти было четыре, — рассказывал он. — А на вашем форпосте никогда. Это ужасные случаи. Два раза мы сами направлялись в дальние миры. Оттуда один раз вернулись кто выходил, а во второй раз мы потеряли одного человека у врага, но с оставшимися прорвался один человек из дальнего мира. Началась долгая война и здесь и там. А когда прорывались оттуда одиночки, обычно используя какое-то особое знание, начинались большие несчастья у нас, хотя и врагу приходилось несладко. Обычно те, кто вырывается особым путем из дальних миров, все-таки попадают на обычную дорогу. Мы всегда следим за ними, их долго отмаливают, но в конце концов они становятся обычными людьми.

— А что стало с теми четверьмя, которые в разное время прорвались через форпосты? — спросил Аналитик.

— Двое у меня в монастыре, в одиноких кельях, погружены в глубочайший обет молчания, и кончится он не скоро, — ответил Святой Отец. — А еще двое в конце концов отмылись в воде, отогрелись, отмолились. И живут вместе со всеми. Хотя, конечно, они не как все. Они ничего не слышат, почти ничего не видят, мысли у них медленные и тяжелые. Почти все время им холодно, точнее, снаружи жарко, а внутри холодно. Правда, они могут кое-что, чего другие не могут. Иногда придумывают механизмы. Жечь костры на форпостах как раз

один из них придумал. А второй изобрел способ отливать огромные колокола. Мы ими, правда, никогда не пользуемся.

— Неужели Толкователь станет таким же! — с горечью воскликнул Первый. — Я его знал в молодости. Какой он был! Он жаждал спасения, так же как я, как мы все. Ты помнишь? — спросил он Второго.

Второй, хотя спорить с командиром не было у него в характере, возразил:

— Не того он спасения жаждал.

— А ты помнишь? — спросил Первый Аналитика.

Аналитик сдержанно ответил:

— Он хотел знания и понимания, насколько я видел.

Первый махнул рукой:

— Да вам ли его судить! Кто из нас тогда всего этого не хотел?!

А потом снова начались службы по чину очищения. Аналитику они очень нравились. Он растворялся душой, весь исчезал — со всей горечью своего неверующего сердца — и превращался в слух и музыку. Монахи пели. Громче всех — Святой Отец и Второй. А Первый, наоборот, стоял молча, опустив голову. Чувствовалось, что он глубоко потрясен и озабочен.

Когда Святой Отец отбывал, он по очереди благословил всех. Предупредил, что нападения надо ждать очень скоро. Аналитика потрепал по голове и велел, когда все кончится, прийти паломником к нему в монастырь. О чем-то долго говорил с Первым. Потом ушел. Расширенный гарнизон остался. На степях под горой начинал темнеть и клубиться туман.

Первый отослал Аналитика в равнинный монастырь молиться за Толкователя. Во время боя от него все равно не было большого толка. Ему бы лучше удалось разобраться в происходящем издалека.

Он шел по чудесной аллее, которая вела на равнину, мимо деревьев и цветов, а за его спиной над горами крепчал ветер и сгущались тучи. Впереди, в монастыре, куда он шел, медленно раздавались удары колокола, это был знак того, что служба в нем шла постоянно. У ограды

стояло множество монахов, с иконами, книгами, хоругвями, свечами, кадилами. Они молчали. Аналитик встал позади толпы, но перед ним расступились, чтобы он вошел в здание. Его всегда поражало, как будто здесь все люди, кроме него, знали что-то одно, а он не знал.

Толкователь, кажется, спал. Академик-Настоятель монастыря стоял рядом, вокруг него братья, и все читали чин, похожий на соборование. Аналитику дали место и книгу, по которой читать, и он стал читать со всеми.

Удивительно, что не так и он понял: был Толкователь героем или преступником, святым или одержимым злой силой, и чем он обладал в большей мере: знаниями или стойкостью? Что позволило ему преодолеть необыкновенный путь? И хорошо или плохо то, что он сделал? Все вокруг говорили, что плохо, даже очень. Но Аналитик скорее восхищался. Конечно, Фронтьера поранена прибытием пришельца из дальних миров, который не прошел через кордоны, селекторы, преобразователи, очистители, школы и экзамены Главной дороги. Эта дорога такая длинная, что те, кто проходит ее, в конце не таковы, как в начале. Фактически, он — существо двойственной природы среди тех, чья природа едина, потому что от второй части они очистились.

Но разве можно ожидать зла от такого порыва? И разве может один человек нанести вред целому миру?

Ничего не происходило. Толкователь все спал, служба все шла. Аналитик вышел из монастыря и обратил взгляд в сторону гор. И увидел бурю. Фронтьеры не было видно в плотных черных тучах, которые заволокли горы почти до низу. Сверкали молнии. Даже на равнину долетали порывы ветра. От периодического гула сотрясалась земля. Землетрясение? Или гроза?

Вокруг равнинных монастырей мерцали огни свечей: везде шла служба крестным ходом. Мыслей на равнине было не слышно, значит, в горах пока держали оборону. Может быть, долетали шальные пули. Аналитик уже привык от них уклоняться, а мух — прихлопывать.

Несмотря на то, что его не звали, несмотря на то, что это было безрассудство, несмотря на то, что он покинул то, где мог служить, ради того, где от него не было пользы, он пошел обратно на Фронтьеру. Ему не было страшно. Он еще не видел настоящих боев. Или сил прибавилось? Он ведь долго молился, а это укрепляет.

Ветер крепчал. Чем ближе к горам, тем сильнее был гул и грохот. Аналитик не знал, что это было — вспышки молний или залпы орудий, раскаты грома или взрывы бомб. Он вспомнил, как Второй перед боем стоял на крыше, подняв руки.

Он стал подниматься. Часовой пропустил его без вопроса. Разведчиками были оцеплены все горы. Боялись уже теперь врагов со всех сторон?

Наконец вверху показалось здание Фронтьеры. Оно было освещено сигнальными кострами. Кто их тут видел, неизвестно. Ветер сделался невыносим, и пришлось лечь на землю. Лежа, тело подпрыгивало от могучего грохота. Осыпались камни. Сверху иногда слышались вроде бы крики, но что кричали, было не слышно.

Он дополз до верха как раз когда полнеба осветилось от молнии, или от взрыва, и раздался удар, от которого он на некоторое время потерял сознание. Когда он пришел в себя, он с ужасом увидел, что рядом с ним лежит окровавленный Второй. Он был сильно ранен и его, кажется, сбросило с крыши Фронтьеры.

Не разбирая, кто перед ним, Второй захрипел:

— В воду меня, быстрее! Там гностики, йоги и эзотерики соединенным отрядом. Меня подбили. Они доказали формулу, которую я не могу опровергнуть. Эзотерики, эта шушера! И потом с другого фланга бизнесмены. У них огромная установка, они проводят опыты, которые я не могу повторить. Я могу бороться или с теми или с другими, но не разом. Первый их разобьет, он держит. Иди к нему, если можешь с ними сражаться. Эзотериков надо разбить. Шушера, падла, а туда же...

Все это он говорил, пока Аналитик тащил его к воде и окунал в нее.

— Может, вас на равнину? — спросил он.

Второй махнул рукой:

— Какая равнина! У нас полно раненых. Если кого увидишь, тащи сюда. Я отлежусь и вернусь. Сейчас, скоро. Эзотерики, падла, шушера, они знают такую формулу... откуда... У них же нет мозгов самим додуматься. Неужели правда оккультное знание какое-то? Или поставки вооружений от третьей стороны, тогда в обмен на что?.. — Он бормотал, и Аналитик пошел назад. Побегал бы, но бежать не было сил: с гор дул ураганный ветер. Полетели мысли, видимо, в каком-то месте — наверное, где только что выбили Второго — была пробита оборона.

«Древнее знание дает дорогу к бессмертию», «Нейролингвистическое программирование ведет к всемогуществу», — ого — «Йоговские техники высвобождают невиданные резервы», «Сила Кундалини усиливает вашу эрекцию» и последнее, что он поймал, «Ясновидящая предсказывает удачу в казино». Он чуть не поперхнулся, а в другое время, наверное, рассмеялся бы. Разве может хоть кого-нибудь поразить такая нелепая смесь? Впрочем, он признавал, что при лобовом попадании некоторые из подобных бомб могут представлять опасность. Во всяком случае, в глубочайшей чистоте срединных равнинных монастырей, где служит Отец-Настоятель, где в тишине рождает истинное знание о спасении души и мира, такие мерзости взрывать-ся, конечно, не должны. Будут очень отвлекать.

Но здесь-то опасность не от них. Да и Второй говорил о другом. Он сражался с эзотериками и Аналитика послал против них же. Речь там идет о какой-то формуле, которую даже он, полковник-профессор, не мог опровергнуть, против которой держится только Первый. Это похоже на действительную опасность. Если формула истинна, Фронтъере придется уступить часть территории врагу, или искать опровержения, вводить начальные условия, это значит, менять что-то в мире... Аналитик философ, а не физик, разве он может тут помочь?

Он снова добрался до Фронтъеры. С собой он взял немного воды из ручья и по пути напоил одного воина, который раненый лежал у

здания. Но в целом было затишье. Ветер выл равномерно, молнии вспыхивали ритмично, удары шли друг за другом. Канонада.

Подняв голову, он увидел в свете сигнального костра на крыше величественное зрелище: там стоял генерал-настоятель Первый, раскинув руки в стороны, и в его грудь и лицо били молнии. Они отскакивали от него, переламывались и летели обратно. Рядом с ним, на верное, лежали воины и стреляли. Их было не видно, казалось, что стреляет сама Фронтъера.

Было ясно, что Первый сдержал атаку. Напор молний слабел. И Фронтъера тоже стреляла реже. Может быть, кончались патроны.

Аналитик вошел в здание. Весь нижний этаж был превращен в склад патронов и в лазарет, где отлеживались раненые. Пожалуй, было бы полезно принести им воду из ручья. Но он зачем-то стремился на второй этаж, в свой кабинет, хотя сейчас никакая броня не могла бы его защитить.

Когда добрался, на крыше кончилась перестрелка. Уцелевшие воины сбегали на первый этаж — помогать друзьям и приводить себя в порядок. Мысли у всех были истощены. Пошатываясь, спустился и Первый. Увидел Аналитика и, против ожидания, обрадовался.

— Иди сюда, — велел он, проходя к себе в келью. — Сейчас какое-то время будет тихо, а потом рванет хуже прежнего. Второго сбили, это потеря... Четыре отряда были на него, а с ним дружина из трех человек.

— Чем я могу послужить? — спросил Аналитик.

— Эта формула, против которой я кинул Второго, на самом деле ничего из себя не представляет, — заговорил Первый. — По существу она верна, ее не надо опровергать. Она бесполезна, врагам ее все равно не использовать. Я даже сомневаюсь, что они могут ее понять. Там речь о замкнутых геодезических, грубо говоря. Разрываются они при определенных условиях или нет.

— Здесь я помочь ничем не могу, — печально сказал Аналитик. — Я не понимаю.

— Естественно, — кивнул Первый. — Что надо с формулой, я или сам сделаю, или математики, я уже вызвал помощь с соседнего форпоста, они подскажут преобразования. Но я без философии не понимаю одну вещь. Разрыв детерминизма... Что происходит в этой точке? Все что угодно? Или может вмешаться чья-то воля?

— Если это будет воля изнутри того универсума, который претерпевает разрыв причинности, то оснований говорить о полном разрыве нет, — сказал Аналитик.

Первый махнул рукой:

— Это-то и я понимаю. Нам уже дано, что разрыв есть. Ну ты не понимаешь, но эта формула так действует. Враг уверяет, что якобы в момент разрыва вмешивается воля и творит новый мир как захочет. Они это доказывают.

— Чья воля? — спросил Аналитик. — Их?

Первый красноречиво развел руками:

— Конечно, они думают, что их. Но по идее это неважно.

— Если бы у них была такая воля, которая способна действовать в точке, где весь мир претерпевает разрыв, то эта воля давно уже победила бы всех, — усмехнулся Аналитик. — Разрывы-то ведь часто случаются понемногу. У них даже маленьких волей на эти маленькие разрывы не хватает, откуда у них ТАКАЯ?

— Да, — согласился Первый. — Это и мне приходило в голову. Маленькие-то воли у них, конечно, есть, вон они что с миром сделали, но большой нет явно... — Вдруг он вскочил и схватился за голову. — Господи, какой я болван! Мы же вообще не в причинном мире живем! А в формуле начальное условие — что исходный мир детерминистичен. Не про нас вообще формула-то! А мы-то со Вторым воевали! Все, на этот раз они будут разбиты, — он крепко обнял Аналитика, бодрым шагом вышел из комнаты и громко созвал свой отряд наверх.

Не пришлось долго ждать, и Фронтьера сотряслась. В стан врага полетела бомба, которая, вероятно, в скором времени не оставила ни следа вооружений того соединенного отряда эзотериков, йогов и гностиков, ко-

которые знали какую-то хитрую физическую формулу, а также и бизнесменов-физиков, которые проверили ее на какой-то могучей установке.

Сами отряды, конечно, остались, только вооружение их было разрушено. Победить эзотерическое знание как таковое — точнее, непреодолимую склонность человека стремиться к такому знанию — в ближайшем будущем, конечно, нереально. Не по силам Фронтьеры с этим справиться, да это была и не ее задача. Она лишь форпост, отражающий атаки врага, но не армия, которая может врага уничтожить.

Вернулся Второй, залечивший рану. Пожал Аналитику руку: видимо, его вклад в решение боевой задачи был оценен. Монахи чинили повреждения Фронтьеры. Раненые выздоравливали.

— Главные силы мы разбили или нет? — спросил Второй у Первого. — Или будет хуже?

— Будет хуже, но победим, — уверенно сказал Первый. — Я давно не держал таких сражений и сейчас я крепок духом. В мелких схватках как-то забывается, с какими сволочами и какой мелочью мы на самом деле воюем. Когда тебя вышибло, — он говорил Второму, — прорвалась оборона, я даже не торопился ее восстанавливать. На равнину полетело несколько бомб. Пусть полнубоются на мерзость. Тогда как раз туда било малыми силами, арьергарды эзотериков; их главные силы я отвлек на себя, когда в тебя ударили эти, с деньгами.

Второй поморщился, вспоминая. Но спросил по-деловому:

— Кого ждать теперь?

— Теперь будет еще мерзее. Теперь придут наркоманы — ну то есть идеологи психоделических путешествий — и самые страшные для меня, апологеты искусства. Там же целые отряды камикадзе, о Боже! — воскликнул он и всплеснул руками. — Я всегда крыл их сплошным слепым огнем, с ними нельзя иначе. Любого умника, который будет теоретически доказывать мне, что надо стремиться к удовольствию, а не к спасению, или что можно этого достичь одним умом без нравственного совершенства — я тут же уничтожу аккуратно. А этих, одержимых, я всегда бью не целясь, шквалом. Но на войне этот метод не

проходит: не хватит огня. Их будет целая армия. Всех, всех призвать, всех поставить на вахту и молиться о подкреплении — непрерывно...

— Угу, я пошел молиться, — отозвался Второй. — Я с ними тоже не умею. Я даже нацелиться не смогу.

— Скажите, а наступление этих психоделиков и эстетов тоже как-то связано с приходом Толкователя? — спросил Аналитик.

— Ну конечно, — устало ответил Второй, — еще бы не связано. Теперь все, кто на стороне врага, начинают толковать его поступок так, что можно просто ходить, ходить куда угодно, а нас вообще нет. Так что их идеологи мечтают нас уничтожить. А они сила.

— Я знаю, что они сила, — сказал Аналитик. — Я немало пробывал на их стороне когда-то. И ушел очень осознанно. Возможно, в сражении с ними я вам пригожусь.

Первый покачал головой.

— В самом сражении навряд ли. Там полетят смысловые камикадзе, поклонники абсурда. Ты сможешь заставить их повернуть назад? Они же похоронили всякий смысл и ни за что не отвечают. Они даже не видят, куда летят.

— Я, в отличие от многих здесь, как раз смогу, — сказал Аналитик. — Это вам кажется, что они похоронили любой смысл. Они похоронили детерминизм смысла. Но не сам смысл. Они хотят свободы, но не от всего, а лишь от жесткого детерминизма; они скорее на нашей стороне, чем врага, хотя, конечно, они одиночки и бьют всех. Я найду что ответить даже психоделикам. Я ведь и с ними был когда-то.

— Нет, против эстетов мы будем действовать по-другому, — сказал Первый. — Против них призовем равнинных монахов, регентов, иконописцев, проповедников. Он нам рок — мы им хорал... Мы не победим их, но остановим. Как их можно победить, я не знаю в принципе. Там ведь не только сила, но и несомненная правда. И несомненная красота. Второго даже близко к рок-музыке подпускать нельзя, он ее любит... В плен попадет, освобождай его потом!

— Там очень просто все, — усмехнулся Аналитик. — Любая мо-

литва музыкально сложнее и богаче даже красивой рок-музыки.

— Потому и призовем тех, кто умеет молиться, — усмехнулся Первый.

— А политиков не будет? — спросить Аналитик. — Если уж они все теперь сюда накинулись? Они ведь раньше, видимо, били в другие форпосты?

— Совершенно верно. Фронтьера — форпост против физиков, которые работают на врага. Обычно она сражается против всевозможных физических формул, трактующих о судьбах мира и души. Поэтому и воины-монахи здесь в основном физики. Математики борются с математиками, социологи с социологами, политики с политиками, музыканты с музыкантами. Но после прихода Толкователя все временно кинулись сюда, потому что именно здесь он пробил смысловую броню.

«Может быть, и правильно сделал, что пробил», — подумалось Аналитику, но вслух он не успел высказать эту мысль. Первый прервал беседу, прислушался к чему-то и неожиданно отрывисто приказал Аналитику:

— Иди на равнину.

И он тотчас отправился.

Толкователь смотрел на Аналитика молча, без выражения. Судя по его виду, ему хотелось только спать. И еще долго будет хотеться только этого.

— Зачем вы сюда пришли? — спросил Аналитик, раз уж все равно тот не спал.

— Что зачем? — переспросил Толкователь. — Зачем сюда, зачем пришел или зачем это был я?

Аналитик подумал, что уже очень давно не разговаривал с людьми из дальних миров.

— Вы ведь физик? — спросил он Толкователя. — Мне непонятно, почему вы не могли пройти обычной дорогой. Даже я смог, хотя учил физику давным-давно, в институте.

— Вы не так ставите вопрос, — ответил Толкователь (кстати, на

всей Фронтъере единственный, кто назвал его на вы). — Первично было движение. Меня вела формула, которую я открыл. Куда она приведет меня, я в точности не знал, хотя, конечно, мне удалось еще до выхода многое рассчитать.

— Формула? — переспросил Аналитик.

— Да, — ответил Толкователь. — В древних текстах множество формул, хотя отделить верные от фантастических можно только будучи физиком. Бессмертие, всемогущество, жизненная сила, удача. Все это можно найти, если искать. Но я искал формулу причинного разрыва. И нашел. Найдя ее, уже нельзя не идти, она сама заставляет двигаться. Это можно понять только испытав. И она очень преобразовала меня; пока я работал над ней, я стал почти как те, что идут по главной дороге.

— А во время атаки Фронтъера боролась с какой-то формулой, — сказал Аналитик. — Случайно, не с той же?

— Скорее всего, именно с ней, хотя я спал, — ответил Толкователь. — Формула богатая. Меня ведь подбили, пока я шел, и они могли определить формулу по моим следам. Но она безвредна в их руках. Они ведь не умеют толковать, это наука посложнее физики.

Аналитик, вспомнив битву, поежился.

— Мне бы хотелось понять смысл этой формулы, — сказал Аналитик. — Генерал-Настоятель сказал, что Фронтъере предстоят бои с поэтами, с психоделическим искусством, в котором он не так силен, как в физике. Мне бы хотелось быть полезным, но пока я, к сожалению, мало что понял.

— Я не возьмусь объяснить вам этот смысл, — ответил Толкователь. — Я нашел ее, изучая древние тексты и современную физику. К тому же я не смог бы выйти в путь, если бы не обратился за помощью свыше, а чтобы этому научиться, я тоже очень много работал. Искусству говорить с высшими силами вообще нельзя научить. Оно приобретается каждым самостоятельно. На простые слова — на слова простых молитв — эти высшие силы отвечают как мать на лепет младенца: кормят, глядят по голове. У матери можно узнать гораздо

больше, чем это. Можно спросить ее, как устроен мир. Но надо научиться с ней разговаривать, а не только плакать. Серьезная молитва высшим силам — это разговор на их языке. А наши слова — это, в переводе на их язык, хныканье и лепет.

Аналитик вспомнил, что Первый говорил ему, кажется, то же самое, когда велел выучить наизусть молитвослов и тренировать технику молитвы, а не чувство и не наитие.

— Может быть, вы могли бы мне объяснить, как приобретается это умение говорить с высшими силами на их языке, — попросил он Толкователя. — Ведь вы же научились

— Книги, книги, книги, — повторил тот. — Этот язык учишь так же, как самый первый язык: с нуля. Его учишь, вслушиваясь. На этот язык нет перевода с нашего.

Потом Толкователь попросил его оставить и уснул. Аналитик вернулся на Фронтьеру. Пока там было спокойно. В сторону ущелья, насколько хватало глаз, стлался туман.

Монахи все уже починили, убрались и по очереди выпалились. Разведчики с гор не спускались, но облазили все окрестности до соседних форпостов и дальше, в поисках затаившихся врагов, спрятанного оружия или разведчиков с той стороны. На территории математиков кое-что показалось им подозрительным, но тамошняя разведка с этим уже работала. Генерал-Настоятель математиков не скрывал, что готовится к битве. Его помощник приходил на Фронтьеру, к Первому и Второму, и делился с ними своим пониманием ситуации. Они долго втроем о чем-то говорили; монахи мало что поняли. Обычно мирный форпост математиков ошестинивался пушками.

Аналитик рассказал Первому о состоянии, в котором пребывает Толкователь, и о разговоре с ним. Неожиданно Первый прошептал с состраданием и нежностью:

— Спит... Ну пусть поспит... Может быть, выспится... — но чувствовалось, что он боится, что это напрасная надежда.

Относительно формулы он усмехнулся.

— Конечно, мало кто сомневался, что эзотерики не сами придумали эту формулу, но что позаимствовали ее у Толкователя и что она же привела его сюда, это не пришло мне в голову. Видимо, она сильна. Надо изучить ее повнимательнее, — решил он. — Теперь послушай. Толкователь велел тебе изучать язык. Это правильно. Пока затишье, я как раз хочу послать кого-нибудь с докладом к Отцу-Настоятелю. Иди к нему, расскажешь и заодно возьмешь у него книгу, пусть даст тебе, что считает нужным. Математикам ты не нужен, им и я вряд ли пригожусь. А с бою с поэтами ты пригодишься. Хорошо будет, если ты научишься, наконец, молиться; будешь больше похож на воина.

И Аналитик покинул Фронтьеру и отправился вглубь равнины.

Долго шел по равнине, мимо монастырей, далеких и близких колоколен и храмов. Оказывается, монастырей было много. В каждый из них хотелось войти. Притягивали взгляд здания библиотек, конференц-залы, церкви и университеты. Вместе древнее знание и знание будущего. И искусство. Оно было, кстати, единым целым вместе со знанием; они были неразделимы.

Он дошел до центрального монастыря, навстречу ему вышел монах, черты лица которого показались Аналитику смутно знакомыми. Он долго не мог его узнать. Наконец сообразил и застыл потрясенно. Этот монах когда-то был женщиной! В дальнем мире это была женщина, да, и они были знакомы. Аналитик помнил ту женщину... Когда-то даже был неравнодушен к ней.

Не сейчас перед ним был монах весьма аскетического и сурового вида. Аналитику захотелось бежать, чтобы защититься от невольного ужаса.

— Так вот, великое искусство очищает душу от страсти, — сказал монах, как будто продолжал давний разговор. — Посмотри вокруг. Видишь? Тишина. Вот тебе первый критерий великого искусства. Оно допускает тишину. Ты войдешь в храм и услышишь, как поет хор, как играет орган. Это будет и громко, и грозно, и величественно, и прекрасно. Но потом ты выйдешь за стены храма, и будет тишина. И понимаешь, эти две вещи без противоречия сочетаются

друг с другом. Они допускают одна другую. Между ними не надо делать выбор.

— Я понял эту мысль, — кивнул Аналитик, — а что это за искусство, которое не сочетается с тишиной?

— А это психоделическое твое, — сказал монах с невыразимым презрением.

— Мое? — переспросил Аналитик. — Почему — мое?

Монах не удостоил его ответа и продолжал:

— То же с картинами, с любым искусством. Картина тогда прекрасна, когда ее можно повесить посреди чистой природы — в поле, в лесу. И она не будет портить окружающего пейзажа. Икону ты можешь повесить везде где угодно. Или текстовое искусство. Текст тогда велик, когда он распрямляет твою душу. И ты переходишь в жизнь выпрямленным и очищенным. Если тебе приходится искажаться, чтобы понять текст, или надо воображать то, чего нет — то это ложное искусство.

Аналитик молчал. Он хотел бы что-то спросить, но собеседник был слишком суров. Ему, жителю центрального пространства, наверное, все, кто приходил с гор, казались запятнавшими себя общением с врагами.

Аналитик очень живо помнил, как рождалось в дальнем мире то искусство, которое было несовместимо с тишиной. Или — то, которое нельзя было вообразить на природе. Искусство, которое сопровождало носителей извращенного сознания в их крестных путях по наркотикам и психиатрическим больницам. Прекрасные слова о великом церковном хоре, который совместим с тишиной, если смотреть под определенным углом — это не более чем благоглупость.

— А всех, кто мешает тишине — задушить, — вслух подумал он. — И оскорбляющих природу истребить.

Велико то искусство, которое сделает несчастного счастливым, а не всего лишь запретит ему быть несчастным и тем ограничится.

Монах поморщился.

— Ты к Отцу-Настоятелю? — спросил он. — Входи.

Сомнения, видимо, были написаны у него на лице. Отец-Настоятель потрепал его по голове.

— Прости его, — сказал он Аналитику о монахе. — Он чересчур резок. Бедных больных людей дальнего мира надо лечить, а не истреблять. Ты же понимаешь, что Творец призвал в мироздание человека затем, чтобы человек ставил преграду хаосу? Не пропускал в мир энтропию. Хранил порядок. Больной человек не хранит порядок. Нужно большое здоровье, чтобы его хранить. И искусство, которое лечит человека, лечит и мир. Человек должен быть хранителем мира, а искусство — хранителем человека. А от психоделического искусства люди хотят, чтоб оно изменяло им жизнь, давало альтернативу.

— Там такая жизнь, — сказал Аналитик, — что нет никакого смысла ее сохранять. И редко кто в дальних мирах вообще понимает, что фронт проходит между порядком и хаосом. Там другие битвы.

— Битва всегда одна, — сказал Отец-Настоятель. — Но видится она по-разному.

Аналитик рассказал Отцу-Настоятелю про битву, про формулу, про разговор с Толкователем, опять про формулу. Тот грустно вздохнул:

— Все только начинается. Вам предстоят съехавшие поэты, и это не самое страшное по сравнению с тем, что предстоит математикам. Они ведь, в отличие от вас, очень мирный народ. Но на них пойдут философы, точнее, те, кто называет себя философами, и начнется борьба за то, чтобы математическое мышление выжило как таковое, ибо его объявят произвольным, как игра в бисер, и даже смогут многое доказать...

— Скажите, — спросил Аналитик, — как совместить это все: Фронтёра борется сначала с эзотериками, потом с психоделическим искусством; математики — с философами науки; когда я ловил случайные бомбы, они были про астрологию, нейролингвистическое программирование и тому подобное; вы говорите, человек поставлен бороться с хаосом. У меня, Владыко, не создается связный образ врага.

Тот улыбнулся. У него была приятная улыбка.

— А связный образ друга у тебя создался? — спросил он.

Аналитику предстал веер ликов: могучий Первый, удалой Второй, усталый Толкователь, мудрый Отец-Настоятель, суровый монах — бывшая женщина, уже не говоря о громкоголосой дружине разведчиков. Нет, все были разные. Он покачал головой.

— Иногда я сомневаюсь, а имею ли я право здесь быть. Сам-то я из друзей ли? Из наших ли? Я не нахожу в себе общего ни с кем.

— Ты из наших, — ответил О.-Н. с улыбкой. — Не находишь общего? Ну как же? Ты же человек редкой тишины.

О.-Н. протянул ему книгу. Это был сборник текстов: тексты богослужений, избранные проповеди, толкования, священные предания, избранные жития святых (все святые были незнакомы), благочестивые рассуждения, рождественские сказки и успокойные молитвы.

— Вот, выучи наизусть, и пока не выучишь, на Фронтъере не возвращайся, — велел он. — Когда выучишь, по крайней мере, будешь видеть своих. Врагов и так распознаешь. У нас тут их сразу видно.

Аналитик хотел узнать это теоретически, в краткой формуле. Однако не спорить же было с Отцом-Настоятелем. Поклонился, поцеловал ему руку и пошел учить.

Ему хотелось быстрее на Фронтъере, и он посвящал учению все время, только ходил на службы. Служил сам Отец-Настоятель, и это было не так, как в маленьких монастырях, ближайших к Фронтъере. Здесь службы были огромные. Начинал интуитивно понимать смысл прекрасного искусства, хотя не настолько, чтобы сказать своими словами. Слова монаха были самые точные: искусство совместимо с тишиной. Вот здесь, в центральном монастыре, он воочию видел искусство, которое переходило в тишину постепенно, которое было одним целым с ней. Если бы тишина звучала, она звучала бы так, как оно.

А вот мелодии рока и авангарда не таковы. Да и многие классические мелодии тоже. Но как-то не поворачивается язык отказать им в том, что они прекрасны. Получалось, прекрасное равно служит и божественному, и его врагу. Неужто между тем и этим прекрасным всем нет разницы?

Наконец настал момент, когда он знал всю книгу наизусть. В последний раз постоял на службе и пустился в обратный путь. Книгу на всякий случай прихватил с собой. Прощаясь с монахом — бывшей женщиной, пригласил его на Фронтъере.

— Нам там, увы, бывает, очень не хватает тишины, может, сможешь нам помочь, — сказал на прощание. Монах ничего не ответил, пожал плечами. Отец-Настоятель сам прислал бы его, если бы это было нужно.

Пока шел, обратил внимание, что вид окружающего изменился. Точнее, изменился его взгляд; он стал смотреть с узнаванием и как бы многомерно. Видел монахов в равнинном монастыре около библиотеки и откуда-то знал, что именно они обсуждают. Видел ученых около конференц-зала и тоже знал. (Проблему реализма-номинализма). Вспоминал истории монастырей и храмов, мимо которых проходил. Их было легко восстановить из того, что было написано в книге.

В голове у него сами собой звучали длинные тексты псалмов.

Когда он подходил к Фронтъере, над ней были знакомо сгустившиеся тучи. Насколько он видел дальние форпосты, там было то же. Кто шел в атаку на этот раз? Он поспешил вперед.

У подножья горы он встретил Толкователя.

— Вы не боитесь сражения? — спросил он.

— Я не собираюсь сражаться, — ответил Толкователь. — Я буду наблюдать, что происходит. Потом спросите у меня.

Аналитик кивнул и поднялся в гору.

Вокруг Фронтъеры стояли монахи. Среди них были незнакомые: снова пришло подкрепление с дальних форпостов. Первого и Второго не было видно, зато был настоятель равнинного монастыря. Он стоял на крыше Фронтъеры, один, лицом к ущелью, и читал по книге ветхозаветные тексты. Те монахи, которые стояли вокруг Фронтъеры, читали псалмы — по очереди вслух, остальное время молча. Видимо, Первый и Второй читали то же самое в здании.

Боевой порядок перед атакой психоделиков.

Аналитик вдруг понял, что Фронтьера неуязвима. Наглухо закрыта от атаки, полностью замкнув смысловую оборону. Взглянув на эти лица монахов, читающих псалмы, он уже не мог вообразить, какая атака вражеского искусства может достигнуть их слуха. Техника их была отточена до высших пределов. Они молились не как простые смертные, которые то просят Бога об одолжении, то зовут его от скуки, то вспоминают от радости. Эти — ни о чем не просили, ни с чего не звали. Молитва превратилась у них в оборонную крепость, сделанную из мысли. Он понял воочию, для чего нужна техника. Техника молитвы — это как инженерное дело для возведения зданий. Здание должно стоять и не разрушаться от нагрузок. Так же и мысли. Они должны стоять. Вот для чего нужна техника.

Аналитик заколебался и остановился. Настоятель равнинного монастыря стоял на крыше один, значит, он был готов принять атаку на себя. Если эти монахи, несокрушимые на вид, не поднимались, а он поднялся, значит, его сила была еще больше. Может быть, неизмеримо больше. Не нелепо ли пытаться стоять рядом с ним?

Итак, разумнее остаться внизу вместе с монахами. Может быть, Аналитик — все же он был уже закален — смог бы держать оборону, как они. Как настоятель — так он ни за что не смог бы держать оборону. Его вышибут.

И он только нарушит неуязвимость Фронтьеры, откроет брешь в обороне, через него ей нанесут рану.

Однако он пошел наверх. Тем более что и монахи сразу расступились, и пустого места среди них не было. И у него было что-то вроде предощущения, что его правильное место наверху.

Внутри Фронтьера как будто вымерла. Аналитик хотел бы увидеть Первого, хотя бы мельком, перед своим первым настоящим сражением. Но не увидел.

И он вышел на крышу.

Он еще никогда не смотрел вдаль с крыши Фронтьеры. На вид она невысокое здание. Но кажется, что смотришь с крыши мира. А какая, должно быть, красота, если обернуться! При взгляде на долину, до самых сре-

динных монастырей. Но он не оглянулся. Настоятель равнинного монастыря рядом с ним громким ровным голосом читал старинные тексты.

Стремительно темнело. Может быть, ему хотелось еще постоять. Смотреть в дали степей, в которых сейчас стлался плотный туман. Когда ясно, может быть, вдали можно разглядеть ледяные поля, по которым пришел Толкователь.

Как сказал Толкователь? Эти степи и болота кажутся степями и болотами только при взгляде с Фронтьеры. Тем, кто там живет, они представляются мегаполисами. Разные слои восприятия? Разные временные интервалы? Ведь каждый мегаполис стоит на таком месте, где миллион лет назад была степь и спустя миллион лет тоже будет степь.

А впрочем, чего умствовать.

Врагов он увидел первый, в то время как Настоятель читал по книге. Они поднимались к вершине горы на клубках плотного дыма. Их ряды освещались вспышками цветного света. Они приблизились стремительно. Раздался грохот музыки. Аналитик только успел понять, где в этой музыке ритм, мелодия, тональность. И его накрыла с головой волна измененного сознания.

Произойти успело немного. Во-первых, мир осветился ярко-голубым светом. Во-вторых, почва ушла из-под ног, и Аналитик почувствовал себя в затыжном прыжке. А когда он медленно приземлился, земля стала дергаться под ним, и не отдельные места на земле, а синхронно весь огромный мир дергался у него под ногами? Может быть, он слетел с горы?

Измененным состоянием сознания сам человек управлять не может. В этом смысле Аналитик не боролся. У него не было, предположим, аргументов. Про него верно сказал Первый, когда увидел его в первый раз: он так слаб, что не может устоять против ни одной мысли.

Но, удивительное дело, он — не отдавая себе отчета в том, что делает — сумел каким-то образом установить мысленный контакт с предводителем врагов. С лидером группы.

Тот играл могучую психоделическую мелодию. Аналитик сначала заворуженно слушал. Следил за ее строем: 7/8 синкопированный

ритм и модуляции на последних долях, такого вроде бы быть не может; но это было прекрасно!

И вот он так следил, следил, а потом вошел в контакт с сознанием музыканта. И тот, еще поиграв, вдруг сбился с мысли и растерянно спросил:

— Как? Почему не то?

(Хотя Аналитик ему ничего не говорил.)

И когда музыка смолкла, Аналитик немного пришел в сознание — но не до конца — вспомнил другие мелодии и сказал этому музыканту:

— Тишина. Твоя музыка несовместима с тишиной.

— А зачем?! — воскликнул тот, взмахнул своей гитарой и попробовал заглушить тишину мастерским извержением звуков. Но даже у него самого уже дрожали руки. Он был смертельно подбит.

Тишина — не тот соперник, которого можно победить. Она всегда больше. Ею все кончается. В ней можно только почтительно раствориться, а воевать с ней нельзя.

Музыкант опустил гитару. Все остальные также смолкли. Голубой свет сменился обычным, вспышки исчезли. Все кончилось.

Аналитик обнаружил, что он на крыше Фронтьеры, один, а вдалеке в направлении полей рассеиваются несколько облаков тумана. Где музыкант? Он оглянулся, но никого не было. Ему хотелось удержать музыканта, этого гения, автора удивительной мелодии, изменяющей сознание. Ведь тот сразу понял насчет тишины, еще до того, как Аналитик ему сказал. Сразу понял.

Он же не враг, он наш! — думал Аналитик. А может быть, думал так, потому что так и не научился отличать друзей от врагов.

А может быть, и хорошо, что не научился.

Когда он понял, что музыкант исчез навсегда, ему стало больно. Но что делать.

Он пошатываясь стал спускаться с крыши Фронтьеры, чтобы пойти в свою келью и отдохнуть. Он с трудом стоял на ногах.

На лестнице его встретил Первый и обнял за плечи.

— Страшный у тебя метод, — сказал он, ведя его в келью. — Ду-

маю, что никто не мог бы так, как ты — сознание к сознанию. Когда они появились, я отдал приказ о сплошном огне, но мы, наверное, проиграли бы, если бы не ты. Все наши пели, заткнув уши, пели наше: пели молитвы, канты, псалмы. А они, не слушая нас, пели свое. То есть тоже били шквалом. И на их стороне был перевес в громкости. Возможно, пришлось бы отдать часть территории. И тут ты приходишь прямо в сознание их солиста, и он замолкает. Я тут же отдал приказ нашим замолчать тоже. Все они тут же кинулись врассыпную.

— Я тоже ранен, — сказал Аналитик.

— Я вижу, — кивнул Первый. — Нельзя контактировать с сознанием напрямую и остаться целым. Теперь ты всегда будешь носить в себе мысль об этом человеке.

— Я не могу поверить, что он враг, — сказал Аналитик. — Слышали бы вы эту мелодию! И он сразу понял насчет тишины.

— А кто говорит, что он враг? — возразил Первый. — Если нет — а вполне возможно, нет — она рано или поздно придет к нам по обычной дороге, по которой все приходят.

— А музыка вражеская, — сказал Аналитик. — Изумительная, но совершенно не та.

— Надо же, вот ты в первый раз употребил эти слова: «не та», — заметил Первый. — Теперь я вижу, что ты воин веры.

Аналитик остался один. Рана болела, а усталость постепенно проходила. В келье была полная тишина. Он вздохнул, взял принесенную из центрального монастыря книгу с древними текстами и стал читать их новыми глазами, потому что воин, раненный в битве, уже никогда не видит вещи так, как раньше.

Потом Аналитик видел, как Первый говорил о чем-то с Толкователем. По-видимому, тот интерпретировал происходящее исходя из своей формулы, а может быть, интерпретировал даже саму психоделическую музыку. Что невозможного? Музыка — это ведь как математика. Он ее, наверное, слышал, но ему, пришельцу из дальних миров, ничего не грозило, и почувствовать он что-то вряд ли мог. Любая дивная

музыка не слышится, после того как пройдешь по ледяным полям.

Встретив Толкователя, Аналитик спросил его с горечью:

— Чем лечатся эти раны — когда ты услышал гениальную музыку и сознание к сознанию соприкасался с гением, ее написавшим?

Толкователь рассмеялся:

— Помнишь? Точно так было у Одиссея.

Когда Аналитик подумал об этом, ему стало легче. Есть много причин, по которым положение Одиссея было более безысходно, чем его.

Он вернулся в свою келью, взял молитвослов и стал читать, ища в знакомых строках такую музыку, которая оказалась бы больше, чем вражеская, включила бы ее и дала бы возможность м помощью музыки служить великим истинам, а не воевать с врагами.

И сознание... душа того человека.

И монах — бывшая женщина.

И Первый, Второй...

Аналитик чувствовал, что у него складывается образ врага, образ друга, образ той задачи, которую надо выполнять. Но еще долго он не сможет сформулировать это ясно. Он понял, что у остальных — наверное, кроме настоятелей равнинных монастырей — тоже не было ясного понимания. Именно потому они требовали веры и умения интуитивно различать, «то» или «нет то». Но ясное понимание возможно.

Побывав в бою, он, конечно, научился различать «то» и «не то», но точную формулировку искать лучше не на Фронтьере, а в спокойствии. Теперь он понял, почему Первый сначала так стремился отправить его прочь с Фронтьеры на равнину, почему Второй его вовсе не видел, почему его долго не выпускали наверх. То единственное дело, которое мог сделать только он — найти точную формулу добра и зла — надо было делать не здесь.

Но сердце его было на Фронтьере. И может быть, у него были какие-то еще задачи, о которых он сам не знал. Может быть, его и ранило не случайно, а так это было надо.

Он не знал. Он читал молитвы, рана болела, а на Фронтьере было пока тихо.

Периферия

Исследователь даже не посмотрел на Ворота света. Точнее, взглянул в их сторону, но не увидел. Ясно было, что ему не туда. Обернулся. В противоположную сторону вела дорога на периферию. Он отправился по ней.

У него начался очередной этап. До сих пор он был исследователем — исследовал мышление и социальную организацию. Но теперь нечего было исследовать. Он аккуратно упаковал свой ум, положил в сумку и взял с собой.

За светлыми воротами осталось солнце Смысла. Исследователь его не увидел. Дорога к периферии уходила в темноту. Он ощущал спиной, непосредственно, как исчезало чувство смысла и нарастало чувство бессмысленности.

Как ориентироваться без смысла и без ума? Несмотря на то, что становилось все более темно и скоро свет исчез совсем, дорогу было видно. Точнее, о ней было известно. В сторону шагнуть было бы трудно, да и не хотелось. Среда ощущалась как относительно плотная. К периферии тянулись трубы. Дорога вела параллельно им. Трубы слегка вздрагивали.

Несколько раз Исследователь сталкивался с попутчиками. Лучше бы их не было: это были уголовники, преступники, разбойники. Он, конечно, мог постоять за себя, и не раз ему приходилось это делать. Несколько раз его избивали. Несмотря на общую бессмысленность, ощущение боли было острое. Вроде темнота, дорога, плотная среда, трубы дрожат — чего можно не поделить в таком мире? Но, оказывается, можно. На прошлом этапе Исследователь сам не раз напал и бил. Но в данном случае — нет, зачинщиком был не он. Он только защищался.

Потом пути с попутчиками разошлись. Они следовали вдоль каких-то других труб. Назначение труб выяснилось, когда стало холодно. Это были артерии с энергией. О них можно было погреться, под-

зарядиться. Энергия была наподобие электрической. Если сравнивать с едой — не вкусно, но есть можно.

Чем ближе к периферии, тем среда делалась прозрачнее. Иногда мелькали какие-то огоньки. Исследователь очень устал. Наконец вышел и понял, что за огоньки: горели костры. Вокруг костров сидели и грелись редкие люди. На кострах, судя по запаху, жгли мусор. И когда он повнимательнее осмотрелся, он убедился, что мусора хватит еще надолго.

До сих пор ему было все бессмысленно, как это и очевидно, когда солнце Смысла давно зашло за спиной. Но когда он увидел, что творится на периферии, откуда только взялись энергия и знание. Он прошел мимо уже горящих костров, оставив их жечь тем, кто там сидел. Он не приглядывался. Ему хватило дорожных попутчиков, не было желания ни с кем знакомиться. Отправился туда, где костров еще не было, и принялся ожесточенно собирать мусор. Думал, что придется идти за огнем, но нет — среди мусора было полно спичек и зажигалок. Вонь стояла ужасная. Хотя ум у Исследователя был в сумке, но и так было ясно, что мусор, чтобы не очень вонял, надо сортировать.

Он стал заниматься этим так энергично, что скоро вокруг горели только те костры, которые зажег он, остальные скрылись в дымке.

Потом к нему подошла некая тень.

— Тебя вызывает начальник участка, — сказала она. И махнула рукой в примерном направлении.

Исследователь молча пожал плечами и пошел к начальнику. Начальник участка — в другое время он обязательно заинтересовался бы, что тут за участки и кто назначает на них начальников. Но вот для этого нужен ум, а он был в сумке. То есть это были проблемы прошлого этапа. Сейчас просто старался найти, глазами и по запаху, где может быть этот начальник.

Начальник оказался в местности, где почти не было мусора. Наоборот, преобладали щетки, ведра, тряпки и грязная вода. Вдали виднелись высокие стены.

— Иди мыть стены, рядовой Исследователь, — сказал начальник. — На костры у меня хватает состава, а стены мыть некому.

Исследователь ответил, что понял задание, но откуда брать тряпки и воду? Костры самоподдерживаются, а тряпки ведь расходный материал.

— Видишь тряпки? — Начальник кивнул на те, что были сложены неподалеку. — Берешь и моешь. Тебе хватит, а остальное пусть тебя не касается.

Исследователь пожал плечами. Взял тряпки, налил воды в ведро и пошел к стене.

Стена была абсолютно необъятная. Как и все на периферии, она была в грязи. Повсюду были жирные пятна. На предыдущем этапе Исследователь наверняка заинтересовался бы происхождением этих пятен. Происхождение мусора, кстати, было нетрудно предположить: его сбрасывали на периферию по трубам. Но грязные пятна на стенах? Но Исследователь не стал даже задавать себе этот вопрос. Сказано было мыть, да и самому ему было ясно, что надо мыть. Интересовало его только то, что могло помочь или помешать ему.

На стене, кроме пятен, были трещины и дыры. Дыры были не сквозные, а трещины, видимо, сквозные. При приближении к трещине руки леденели. Из трещин жутко дуло. Они были длинные, местами расширялись до ширины ладони. Нечего было даже думать заткнуть их тряпками. Исследователь некоторое время обдумывал идею, нельзя ли затыкать мусором. Мусора, в отличие от тряпок, определенно хватило бы. Решил при встрече с начальником участка задать этот вопрос ему. Принять такое решение самому не пришлось ему в голову, настолько мало он знал об устройстве стен. Потом раздумал даже задавать вопрос. Вполне возможно, жирные пятна были обязаны своим происхождением как раз чему-то подобному.

Мыл стены он долго, очень долго. Периодически отходил к ближайшей трубе, погреться и подзарядиться. Энергия до стены почти не доходила. Вообще никакой жизни тут быть не могло. У Исследователя едва хватало сил двигаться. Но он мыл. Менял воду в ведре, когда

старая тряпка стиралась — брал новую. Мыл площадями. По стене было нетрудно передвигаться в любом направлении, верха и низа на ней не было.

Рассказывать об этом трудно. Иначе можно было бы рассказать об особенностях каждого жирного пятна. Некоторые, скажем, были засохшие, а некоторые влажные. Во многих местах на стене была как бы слизь. Очень часто стена осыпалась, понималось облако пыли и оседало на руки, на лицо. Иногда под ногами что-то хлюпало, иногда — пружинило, а иногда ноги скользили. Много было как будто спутавшихся волос. Так что иногда приходилось по старой памяти жечь костры из мусора. Тогда Исследователю удавалось немного отогреться.

Он не задавал себе вопроса, сколько ему предстоит мыть стены. На предыдущем этапе, возможно, его заинтересовало бы происхождение ситуации, но и тогда он не задал бы этого вопроса. Только на предыдущем этапе, который сейчас он уже практически не помнил, он бы заинтересовался этим. Вот тогда он обязательно спросил бы любого, кого мог. Скорее всего, начальника участка. Сколько ему придется мыть стены? Почему именно ему? Зачем и кому это вообще нужно?

Но сейчас все было ясно. Нужно мыть стены. Может быть, бесконечное время. А может быть, стена очень велика, но конечна. Тогда, возможно, нужно вымыть ее всю один раз. Но скорее всего, за первым разом последовали бы следующие. Об этом можно быть косвенно заключить по мусору и кострам, которые тоже, скорее всего, горели неиссякаемо.

И у него была полная уверенность в том, что все происходящее совершенно нормально.

Потом его опять вызвали к Начальнику участка. У начальника на этот раз было еще несколько человек. Было светло: горели свечи. Это был первый раз на Периферии, чтобы где-то был свет без сопутствующей вони. Приглядевшись, он заключил, что присутствует начальник начальника. Это был человек в светлой одежде. У него был громкий голос.

— Назначаю тебя начальником участка, — сказал ему Начальник второго порядка. — В подчинении у тебя будут несколько зон с уголовниками, они пусть жгут мусор, ни на что другое они не способны. Если будут прибывать неосужденные, будешь их посылать мыть стену. Пока потренируешься. Если справишься с управлением спокойным участком, поставим тебя на участок, где стены в аварийном состоянии. Там придется постоянно перебрасывать людей от одной аварии к другой. Зато там меньше процент уголовников.

— Здесь они тоже в аварийном состоянии, — заметил Исследователь. — Из трещин все время дует.

Несколько человек усмехнулись.

— Это не аварийное состояние! — ответил Начальник второго порядка. — Это для нас нормально. У нас нет материала заткнуть все трещины. Дуть будет и дальше. Главное, чтобы не вываливались большие куски.

— А что за стеной? — спросил предыдущий Начальник участка. Его, видимо, как раз отправляли бороться с авариями.

— Да там ничего, это стена мироздания, на ней все кончается, — ответил Начальник второго порядка. — Вы хотите знать, почему дует? Это только кажется, что дует. На самом деле, это от нас туда выходит. Мы это ощущаем как ветер, но на самом деле, это приходит к нам оттуда пустота.

Исследователь подумал, что на предыдущем этапе его бы это наверняка заинтересовало. Сейчас его волновало только одно: как он будет организовывать труд уголовников. Что было на предыдущих этапах, прошло, а вот как они его били по дороге на периферию, он помнил очень хорошо.

Пришлось разбираться в людях. Такого умения у него никогда не было. Он сначала подумывал, не достать ли ум. Но пришел к выводу, что ум не поможет. Нужно было иметь какую-то другую способность.

Он входил к ним барак не вооруженный, хотя в принципе мог бы раздобыть лопату или кочергу (кое-какое хозяйство кое-где находи-

лось). Они, правда, не бунтовали. Жечь костры никто не отказывался, потому что около костров можно было греться. Наоборот, они ждали от него, чтобы он своей волей делил участки между зонами. Без этого они бы передрались между собой.

После нескольких знакомств он убедился, что уголовники делятся на две группы. Одна группа была больше. Люди из нее поддавались управлению силой или с помощью выгоды. Вторая группа была меньше. Там люди на первый взгляд были не управляемы. Из второй группы некоторые тоже жгли мусор, если решили сами. А многие из второй группы пребывали будто бы в ступоре. Некоторые вообще не двигались. Они напоминали больных кататонией.

Управлять было легче первой группой. Кататоники из второй Исследователя раздражали и озадачивали. Однажды он пообещал одному сделать из него затычку для трещин в стене. Тот ответил:

— Вылетишь из начальников и попадешь в уголовники.

Так Исследователь понял, что ему не хватает умения вести беседы.

Вскоре его навестил Начальник второго порядка. Проверил, вынес устное поощрение. Участок был чище, чем соседние. Когда оставалось время от забот управления, Исследователь сам шел мыть стену.

Начальник второго порядка рассказал ему:

— Ты хранишь ум в сумке, твое дело. А я свой ум сжег на первом же попавшемся костре. Как горел! Он горит и не пахнет. Мы до сих пор делаем свечи из тех умов, что не нужны. Теперь я его не верну. Зато я помню всех, кто работает на моих участках. Всего у меня восемьсот пятьдесят миллионов человек. Из них примерно пятьдесят миллионов неосужденных и восемьсот миллионов уголовников. Я знаю о каждом уголовнике, по какой статье он судим и на какой срок. Я помню все истории.

— А почему уголовники делятся на две группы?

— На какие группы?

По-видимому, сожжение ума сказалось на его способностях классификации. Тогда Исследователь назвал по именам нескольких человек

из первой группы и из второй. Все, кого назвал из первой, оказались судимы за грабежи или убийства. Все из второй — по странной статье «побег с этапа». Как и куда можно было убежать с этапа? И почему убежавшие превращались в кататоников? — этого Исследователь не понял. Но не придал значения.

Вскрылась тайна пятен на стене, причем Исследователь не спрашивал — Начальник сказал сам:

— Некоторых мы расстреливаем у стены. За время моего командования было расстреляно триста миллионов человек. Они уже прибывают с приговором. Не бойся, к тебе на участок я их направлять не буду. Расстреливать — это серьезная техника, ты к этому еще не готов.

Исследователь поежился. Меньше всего в его планы входило готовиться к этому.

— Кстати, о планах, — продолжал Начальник второго порядка. — Ты овладел техникой отстранения. Ты не думаешь о своем будущем. Это серьезное достижение.

— Я ничего специально не делал, — сказал Исследователь. — И вообще мне кажется, что какое здесь может быть будущее?

— Никакого, — подтвердил Начальник. — Потому и хорошо об этом не думать.

По мере того, как Исследователь знакомился с уголовниками своего участка, он узнавал, по каким статьям они сюда попадают. Тоже всех запоминал, хотя ему было, конечно, далеко до восьмисот миллионов. На его участке было всего около тысячи человек, и только уголовники — ни одного неосужденного. Чтобы организовать этот контингент на мытье стен, приходилось немало думать. Но ни разу он не достал из сумки ум или, вернее, то, что когда-то называл умом.

Среди статей попадались неожиданные. Как только слышал о «побеге с этапа» — вздрагивал, потому что ожидал очередного неуправляемого кадра, который откажется даже жечь мусор. Еще примеры статей из второй группы: «разбойное нарушение традиции», «превышение пределов рациональности», «преступная халатность в соци-

альных отношениях», «намеренное уклонение от понимания». Ему бы в голову не пришло, что это преступления. Сколько раз, должно быть, его можно было бы обвинить в том же! Даже удивительно было, что он еще не уголовник.

У всех, кроме беглецов с этапа, сроки были относительно небольшие. Беглецы всегда имели бессрочный приговор. Правда, Исследователь не мог определить собственно срок: ведь около стены не было никакого отсчета времени. В приговорах срок обозначался в каких-то условных единицах. За убийство значилось обычно около десяти условных единиц, а разбой с традицией и злоупотребление рациональностью неведомый суд оценил в одну. Когда у осужденного заканчивался срок, приходил начальник одного из соседних участков и забирал его. Дальнейшая судьба Исследователю была неизвестна: то ли начинался новый срок на другом участке, то ли человека отправляли с периферии в центр. Увы, от беглецов освобождения не предвиделось. Более того, их количество, вероятно, могло только возрастать. Впрочем, оно было меньше, чем количество убийц и грабителей.

Еще из быта заключенных: у злоупотреблявшего рациональностью с собой не было ума. Вероятно, перед этапом его конфисковали. А вот беглецы с этапа всегда имели ум с собой. Они смотрели на тех, у кого его нет, с презрением. Умные и презрительные кататоники выглядели очень странно. Многие из них никогда даже не шевелились. Зачем им, спрашивается, был ум?

Как вести отсчет времени, хотя бы в условных сроках, если нет естественной смены дней? К тому же если нет ума. Позже Исследователь подумал, что в качестве единицы времени можно было использовать, например, период, в течение которого состав заключенных изменяется наполовину — так сказать, период полураспада. Но это он думал позже, поскольку было так, что позже он вернул ум. А тогда он никак не считал время. Помнил, что у него на участке, когда он вступил в командование, была тысяча человек, потом освободи-

лось тридцать и прибыло пятьдесят. И костры, костры, костры, и пятна, пятна, пятна.

Усталости не было. Но было постепенное истощение неких ресурсов. Поначалу незаметное. Наоборот, чем больше он привыкал мыть стену, тем быстрее это получалось. Потом истощение нарастало. Например, он переставал видеть пятно. Попадал по нему тряпкой, потому что знал, как они выглядят.

А искусство управления изощрялось. Убийцами он распоряжался почти без слов. Они подчинялись одному его взгляду. Все больше он думал о кататониках. У него появился контакт с одним из них: с единственным, который прибыл при нем. Этот человек, по крайней мере, с ним говорил. Он был, разумеется, осужден все по той же статье: побег с этапа.

— Я покажу тебе, как моют стену, — сказал он ему. — Если ты не можешь передвигать ногами, я дотащу тебя туда.

— Зачем? — ответил тот. — Я все равно не буду ее мыть. Пусть расстреляют.

— Не расстреляют. Будешь бессрочно сидеть в бараке.

— Пусть так. Все равно, зачем мне видеть эту стену?

— Стену не нужно. Я покажу пятна и как их мою.

— А это зачем?

— Чтобы видел.

И на самом деле, так и делал несколько раз. Взваливал его на спину, тащил, сгружал, мыл стену, а потом тащил назад.

Наконец услышал от него вопрос:

— Скажи, зачем ты ее моешь? Зачем тебе это надо? Ты же не заключенный.

— У тебя есть ум, а у меня нет. Поэтому ты мне и скажи, зачем, по-твоему, я ее мою.

— Я сказать не могу. Но могу сказать, что внешне это смотрится глупо.

— А я могу сказать, что когда я не мою, это смотрится грязно.

Больше сказать не могу.

Тот, вроде бы, вздохнул.

Сменился Начальник второго порядка. Кстати, этот человек тоже сжег свой ум.

С ним произошло ужесточение режима. В частности, новый начальник велел Исследователю готовиться к тому, что к нему на участок будут прибывать смертники. Он получил приказ пройти расстрельную подготовку. Впервые за все время на периферии Исследователь испытал какое-то чувство. А именно, это был ужас. Вообще-то теория смертных приговоров его не трогала, но он категорически не хотел никого расстреливать сам. Предыдущий начальник второго порядка говорил, что это техника. Если техника, то он был далек от того, чтобы ею овладевать.

Кататоник его подзадоривал:

— Давай, давай, мой стену. Потом будешь около нее расстреливать, будет столько пятаен, что никогда не отмоешь.

Исследователь сказал Начальнику второго порядка:

— Я бы хотел на аварийный участок, работа там, несомненно, у меня будет получаться гораздо лучше, чем расстрелы.

Но начальник ответил:

— Хватит и того, и другого, и третьего. Я снимаю со своих участков деление на спокойные, аварийные, расстрельные и тому подобное. Все будут работать со всем.

Интересно, что этому решению Начальника второго порядка подчинились не только все начальники участков, но и само мироздание, хотя казалось бы, ему он был не начальник. На участке Исследователя, дотеле спокойном, начали рушиться стены.

Первый раз это было не очень страшно, просто одна из трещин начала расширяться. Из нее задули вихри, поднялось облако пыли. Исследователь помчался туда, за ним, по его знаку, побежали несколько уголовников. Когда они добежали, расширение остановилось, сердцевина стены была выворочена наружу. Они долго закидывали образовавшуюся дыру лопатами. Закидали. В этом месте стена оказа-

лась несколько истонченной, но, видимо, со временем это компенсировалось бы пылью.

Второй раз был серьезнее. Это произошло далеко, на границах участка. Те, кто там мыл, приползли израненные. Их накрыло лавиной и градом камней. Судя по их описаниям, стена согнулась складкой, треснула и взорвалась. Их долго отмывали, обрабатывали раны. Исследователь уложил их приходиться в себя и пошел на место происшествия. Там была огромная трещина, величиной с овраг, рядом с ней — горы вывороченной земли. Как будто с той стороны кто-то ломился. Но кто может ломиться из пустоты? Разве только сама пустота?

Он заподозрил, что скоро будет не до мытья. По всему участку выставил караульных. Периодически они доносили о появлении новых трещин. На участок прибыл первый неосужденный за всю историю, Исследователь назначил его своим заместителем по караульным службам. Можно было познакомиться с этим человеком, но оба были все время заняты. Успевал только сказать ему самое главное.

Быстро нарастали симптомы истощения, но он не обращал внимания. Иногда глаза переставали видеть, но он давно знал свой участок наощупь. Иногда ничего не слышал, но давно научился общаться со своим контингентом знаками. Иногда вообще совсем не мог ничего думать, даже не понимал, что происходит. Но все, что нужно, делал на автомате.

Выдалось краткое затишье. Конечно, надо было отправляться учиться расстрелам, но Исследователь оттягивал этот момент как мог. Решил напоследок еще раз сходить помыть стену. Прихватил своего друга-кататоника, как обычно, взвалил его на спину.

— Не хочу расстреливать, — сказал он ему, пока они шли.

Тот усмехнулся:

— Придется. Иначе будешь, как и я, дезертиром с этапа.

— Это лучше! — воскликнул Исследователь. Хотя и понимал, что обездвиженность далеко не приятна тем, кто на нее обречен.

— Не факт, — заметил тот. — Ты же не знаешь, как это бывает.

— А ты почему сбежал?

— А я тоже не умел расстреливать. Только я не собирался учиться, — кратко сказал тот и выразительно замолчал. Ясно, что он был настроен ничего рассказывать.

— Кто знает, — вздохнул Исследователь. — А может быть, это надо? А может быть, это справедливо? А может быть, это и есть настоящее мужество?

— Да-да, когда нет своего ума, все может быть, — насмешливо сказал кататоник.

Когда Исследователь сгрузил друга на землю, достал свое ведро, свои тряпочки и принялся мыть свою привычную стену, у него чуть было не потекли из глаз слезы. «Неужели это последний раз, неужели я никогда больше не буду невинен?» — думал он.

Неожиданно стена вздрогнула точно в том месте, где были они. Трещина побежала между ними. Еще одна — с другой стороны от Исследователя, так что он стремительно очутился как бы на острове. Он стоял на узком участке стены, который висел и шатался между двумя трещинами. В трещинах завыл ветер, послышался грохот камней.

Обе трещины расширились, но пока можно было перескочить. Исследователь и перескочил. Оттолкнул кататоника. Схватил лопату, которая была поблизости, и принялся забрасывать трещину с устья, чтобы она не так быстро бежала вперед. Потом его зрение ему стало отказывать, он все хуже видел трещину. Ему показалось, что появилась еще одна. Если бы у него хватило времени удивляться, он удивился бы чуду: кататоник встал. Он пнул ногой большой остров между трещинами, тот рассыпался и засыпал дно обоих трещин.

Но удивиться он уже не смог. Время, силы, зрение, ресурсы — все было израсходовано. Он пошатнулся и упал в трещину. Там его засыпал град камней от рассыпающегося острова. И все кончилось.

* * *

Видимо, ему снился сон. Или он оказался в другой реальности. С реальностью на этом этапе вообще было не все ясно.

В этом сне, или в этой реальности, он увидел солнце, у которого была черная середина. Само солнце было яркое, горячее. Оно ослепительно сияло. Черная середина, наверное, была еще ярче и горячее. Солнце было живое. Исследователь сразу узнал его: это был Творец смысла. Он всегда знал про него, но не догадывался, какой он. Своими лучами Творец изучал смысл. Смысл — это ведь не информация, не какое-то понятие. Смысл — это переживание, это солнечный жар. Творец создал огромный смысл всего мироздания и еще продолжал его подпитывать. Поэтому это был и Источник смысла.

Интересно, что всякий человек имеет двойную природу. Внизу он как бы черная воронка. Воронка живая, она вращается. В центре у нее пустота. А наверху каждый человек — это образ. Образ немного похож на мыльный пузырь или на нимб. Образ не живой. Зато он содержит информацию.

По замыслу Творца смысла, воронка должна идеально вписываться в образ. К сожалению, обычно это не так. Очень часто воронка меньше образа, иногда, наоборот, выходит за края, а в особо тяжелых случаях образ похож на пузырь, вывернутый наизнанку. Тогда большую часть информации приходится искать с другой стороны.

На самом деле все еще сложнее. То есть кроме воронки и образа, человеку нужно еще зеркало, а также десяток других условий, более или менее выполнимых, чтобы быть нормальным человеком. Но воронка и образ — это минимум, без которого нельзя жить.

Так вот, а Исследователь, когда видел Творца смысла, был только воронкой, он не помнил своего образа. Образ остался где-то... Исследователь даже не помнил о том, как упал на дно трещины. Да вообще не помнил ни о чем. Лишиться образа — это не то что положить ум в сумку.

Надо было задать Творцу смысла множество вопросов, попросить его хотя бы о самом главном: чтобы Исследователю не надо было расстреливать. Но он ни о чем не помнил, соответственно, ни о чем не мог ни сказать, ни попросить. Он только почему-то плакал. А солнце про-

питывало его лучами, согревало, заполняло воронку и даже переливалось через край.

Когда он очнулся, он увидел лицо человека, судя по виду, врача, или священника, или того и другого одновременно. Очень скоро он узнал, что это не только одновременно врач и священник, но и начальник спасательного отряда. Теперь Исследователь все вспомнил, включая падение в трещину. Нетрудно было догадаться, что он в реанимации. Сон был так прекрасен, что Исследователь сильно пожалел, что проснулся.

Он был явно не на периферии. Здесь было чисто, никакого запаха мусорных костров, светло. Как ни удивительно, он обнаружил, что у него ум на обычном месте, а не в сумке. Правда, он забыл, как им действовать.

— Долго я здесь пробуду? — спросил он врача.

— Я сейчас не могу сказать точно, как пойдет ваше выздоровление, — ответил тот спокойно. — А вы торопитесь?

— Я начальник, у меня участок... Хотя если бы вы меня не спасали, я был бы, пожалуй, вам более благодарен, чем сейчас. Но раз жив, нужно возвращаться быстрее.

— Не волнуйтесь. Вас заменят.

— Конечно, заменят, но людей там не хватает.

— Рассматривайте свою болезнь как увольнительную, — сказал начальник реанимации, причем по его тону Исследователь почувствовал, что тот имеет основания приказывать. Он не стал вникать в субординацию между ними и закрыл глаза.

И сразу же перед глазами встало воспоминание о Творце смыслов, который имел вид солнца с черной серединой. По-видимому, она казалась черной, потому что была скрыта.

«Надо же, — подумал он. — Я его почти вижу». Он попытался обратиться к Творцу смыслов мысленно, и сразу же ему стало казаться, что тот слышит его.

«Господи, — спросил он. — Ты вообще знаешь, что есть такое место — Периферия?»

В ответ на него обрушилось такое понимание, что он попытался отпрыгнуть назад. Но не смог, потому что не мог двигаться. Понимание это касалось соотношения смысла, хаоса, существа границы, различения, роли пустоты, возрастания энтропии, течения времени и еще множества вещей. Например, различия между образом и воронкой. Но человек не может понимать столько одновременно, к тому же когда он давно отвык пользоваться умом. Понимание сопровождалось чувством сильнейшего внутреннего тепла. Такого, будто можно расплавиться. Он почти и расплавился.

Постепенно жар ослабел, понимание тоже уменьшилось. Теперь оно в целом выражалось примерно так: «Все не так, как кажется — страшнее, но и лучше».

Он открыл глаза. «В следующий раз, когда я закрою их и обращусь к Творцу, я задам скромный и смиренный вопрос. Что нужно делать мне? И все. И попрошу, если только это возможно — чтобы не расстреливать. Но если надо, я буду. По крайней мере, я буду пытаться учиться». — Так он думал по итогам встречи с Творцом смыслов.

Врач, он же одновременно священник, похвалил его:

— У вас доброе дерзновение.

— Мне кажется, что я как кататоник, — сказал ему Исследователь.
— Хочу двигаться и не могу.

— В каждый новый мир мы входим как кататоники, — подтвердил тот. — Ну или вернее сказать, как парализованные. Если это действительно по-настоящему новый мир. Своими ногами мы можем прийти только туда, где уже были. В новый мир нас должны принести.

— Как вы меня принесли сюда? И как я пытался таскать своего друга?

— Вот, — с удовлетворением сказал врач. — Вы начинаете понимать. Конечно, это пока только начало.

— А можете ли вы мне объяснить: человек может создавать смыслы, или он только понимает те, которые создал Творец?

Врач усмехнулся:

— Вы хотите слишком много сразу. Разберитесь сначала с собой, иначе так и будете лежать. Потом поймете. Творец создает другие смыслы. У него же сила.

Исследователь опять закрыл глаза. На этот раз очень осторожно, чтобы ненароком не задать какой-нибудь вопрос напрямую. Впрочем, этим он быстро научился управлять.

Когда у него работал ум, он все время рвался рассчитывать. Так было и раньше. Через какое-то время еще раз спросил врача:

— Чего мне ожидать, долго ли я буду в неподвижности? Или могу ли я сам как-то влиять на это? Мне хотелось бы рассчитать, о чем думать и с какой скоростью.

— Думайте о себе, — сказал врач. — Торопиться не надо, думайте обстоятельно.

— Как это — думать о себе? — спросил Исследователь. — Я могу думать о Периферии. Как быстрее мыть стену. Какие меры принимать против трещин. Думать о необходимости совершать расстрелы. А как я могу думать о себе? Ведь на данном этапе от меня ничего не зависит.

— А на предыдущем зависело?

Исследователь попытался вспомнить. Почти ничего не вспомнил из деталей, но в целом, кажется, да, зависело. Помнил, что исследовал мышление и общество. Кажется, зависело, как выбирать предмет, в какие научные споры вступать, в каких формах их вести. Не очень много, но все же. Он так и сказал врачу.

— Вот видите, что-то от вас тогда зависело. А вы тогда о себе думали?

— Этого я совершенно не могу вспомнить.

— А я вам скажу. Если бы думали, сейчас бы помнили. Потому и не помните, что не думали. Вам еще надо научиться думать о себе.

— Тогда, если можете, подскажите, как. Я чувствую, что у меня есть воронка, есть образ. Воронки у всех одинаковые, а образы отличаются. Я чувствую, что большая часть моего образа пуста. Не знаю, что на ней должно быть написано. Но это явно не я должен писать.

— Если совершенно не знаете чего-то, даже не догадываетесь, то можете попробовать спросить у Творца смыслов, — предложил врач. — Только, — предостерег с усмешкой, — осторожнее. Не расплавьтесь.

— Я и хотел его спросить. Что мне делать. Смириться с расстрелами или пытаться их избежать. Я хотел спросить объяснения. Но я боюсь расплавиться, да. — Потом он добавил: — Впрочем, боюсь — неправильное слово. Я думаю, что расплавиться от тепла Творца — это самое прекрасное, что можно придумать. Если бы я выбирал, я бы выбрал это. И не надо было бы думать ни о каких расстрелах. Но... я думаю, что ему это было бы неуютно. Почти наверняка.

— Неужто вас так пугают расстрелы? — удивился врач. — Я многих перевидал с периферии, многие выполняли их совершенно спокойно. Гораздо чаще у вас там замерзают или сходят с ума от запаха. Ну или, вот как вы, падают от истощения ресурсов в какую-нибудь яму.

— Ну, как это?! — закричал Исследователь. — Как это может не пугать? Как это вообще можно, одному человеку убивать другого человека?!

— Успокойтесь, — велел врач. — Что-то у вас связано с предыдущими этапами. Может, убили кого и сами забыли? А теперь вытесненное воспоминание об этом вас мучает.

Исследователь поморщился.

— Я не хочу убивать, и думать об этом не хочу, — повторил он. — Я хочу спасать. Я хочу спасти своего друга кататоника. Я хочу мыть стену, хочу засыпать трещины.

Какое-то время он лежал, ничего не менялось. Пытался думать о себе. Получалось плохо. Ведь человеку могут только рассказать о нем другие люди. Конечно, ум полезен, но не очень. Ум хорош, если нужно вести расчеты. Но когда не знаешь, что рассчитывать, то ум не помогает. Исследователь пытался вспомнить предыдущий этап, до Периферии, в надежде найти там какой-нибудь ключ (хотя он даже не знал, к чему это должен быть ключ). Помнил только свои исследования мышления и общества. Его мировоззрение тогда было бедно. Но,

с другой стороны, откуда взяться богатому мировоззрению, если он тогда не знал о Периферии, не встречался с Творцом смыслов? Что он вообще мог знать? Врач сказал: вы не думаете о себе. Он честно пытался вспомнить себя. Но вспомнил только свою роль среди других, только то, чем он от других отличался. И работу: исследования мышления и общества. Сколько он ни отмахивался от этих воспоминаний, сейчас не нужных, они заслоняли все остальное.

Потом наступил момент, что-то переключилось, он почувствовал что-то вроде циркуляции энергии внутри воронки. Сразу же захотелось встать. Но он дисциплинированно дождался разрешения врача.

И сразу же спросил:

— Разрешите отбыть на Периферию?

— А вот это пока рано, — ответил врач. — Пока я разрешаю вам только ходить по территории.

Вообще говоря, Территория — очень интересное место. В иных обстоятельствах оно несомненно заинтересовало бы Исследователя. Скорее всего, он мог бы тут ходить бесконечно. До Светлых ворот здесь далеко, но все светло, чисто, осмысленно. Откуда они берут смысл? Подумав умом, Исследователь пришел к выводу, что должны быть непосредственные каналы.

Но он не интересовался Территорией. Конечно, можно было ее изучать, но у него были другие дела. Он должен был вылечиться и отправляться к себе на Периферию, на свой участок. Поэтому он никуда не уходил с того места Территории, где была больница. Рядом с ней были храм и школа. Вот вокруг них трех он и ходил.

Храм был всегда открыт, но там обычно не было богослужений. Часто играл орган. Органистов Исследователь не видел, их место было под потолком. Видимо, они сменялись. Иногда, когда он приходил, горело больше свечей, а иногда меньше. В пустой храм он не входил. Что-то ему мешало. Только стоял на пороге.

Рядом с храмом была школа. Один раз Исследователь в нее зашел. Вот там было действительно интересно. Шли занятия — то ли

по математике, то ли по каббале. Преподаватель-раввин рассказывал о мистическом смысле математических операций: сложения, умножения, возведения в степень, взятия производной, интегрирования и операции выбора произвольного элемента из континуума. Последнее показалось Исследователю особенно интересным, и он в другое время обязательно остался бы, но сейчас не мог. Его звали дела. Все школы остались в прошлом, более им не было места в его жизни.

Когда вернулся в больницу, врач похвалил его:

— Вы управляете своим умом, а не ум управляет вами.

В конце концов Исследователю удалось дожидаться, когда в храме началась служба. Оказывается, священник был тот же врач (он же начальник спасательного отряда). Когда Исследователь увидел знакомое лицо, он перестал колебаться и вошел в храм. Народа было мало. Одно лицо Исследователь, кажется, мельком видел на Периферии, кажется, это был один из начальников соседних участков. Но он не стал об этом думать. Священник читал какие-то богослужебные тексты, все в них было совершенно непонятно, хотя, кажется, проскакивали отдельные знакомые слова. Как и положено молящемуся в храме, Исследователь встал на колени. Священник научил его, что руки надо складывать лодочкой. Так и он их и сложил и стал молиться. Чтобы, если можно, его минула чаша сия, то есть расстрелы, но, впрочем, пусть будет так, как угодно Богу (ну или Творцу смыслов; возможная разница между ними Исследователя на данном этапе не интересовала). А также о том, чтобы спасти от обездвиженности друга-кататоника. Ну и чтобы самому больше не падать в трещины, чтобы хватило ресурсов. На что? На что нужно. В основном, надо полагать, на то, чтобы мыть стены. Ему отвечала теплота, как бы: «Слышу». Этого было вполне достаточно. От этой теплоты можно было зарядиться энергией.

Понятно, что он уже был здоров. Врач вызвал его для разговора.

— Не буду рассказывать вам всего, тем более что я тоже всего не знаю, — сказал врач, — но нам сейчас важно, что, во-первых, я упол-

номочен говорить от имени вашего командования, а во-вторых, это командование поручило мне передать вам, что вы не должны возвращаться на Периферию.

Исследователь ответил:

— Что?!

Нельзя передать, как он был не согласен. Он был готов не подчиниться. Он сразу передумал очень много смыслов. Позже он думал, как странно — не подчиниться приказу, ведь он вроде был хотел исполнить волю Творца смыслов. Но ему казалось, что эта воля в том, чтобы он был именно на Периферии.

Врач уточнил:

— Не возмущайтесь. Вы не должны этого делать, но вы можете. Если желаете сами. Давайте посмотрим, какие альтернативы.

Исследователь стал стоять и слушать.

— Во-первых, вы можете поступить в спасательный отряд, быть спасателем. Обучитесь, получите профессию врача. Будете летать на ту же самую Периферию. Спасать тех, кто упал в яму, замерз, отравился и так далее.

— Падают, думаю, чаще в трещины, а не в ямы, — сказал Исследователь.

— Ну, с точки зрения спасателя, никакой разницы нет, — заметил врач. — Затем станете врачом, овладеете сначала искусством пришивания ног к телу, а потом — прилаживания воронок к образам. Вам вот я приладил, вы замечаете, а видели бы вы, какой там был люфт, сколько туда насосало пустоты!

— Спасибо, — поблагодарил Исследователь.

— Не за что. Это моя работа.

— Но ведь кататоников так не вылечишь?

— Ваших, периферийных — нет, не вылечишь. Если кто-то попадает в состоянии обездвиженности сюда, на Территорию — тех мы, конечно, лечим.

Врач показал ему больницу. На первом этаже лежали больные.

Сколько их там было, Исследователь не понял. На втором жили спасатели. Точнее, отдыхали. Жили они во время своих экспедиций.

Везде было светло. И очень велика концентрация смысла. Например, хотя Исследователь все видел впервые, все было сразу понятно: вот больные, вот у этого дыра в воронке, его лечат, этому оторвало образ, его тоже лечат, а вот у этого все в порядке, у него только ушибы, он почти восстановился. И скоро он убудет на Периферию, где он — Исследователь взгляделся внимательнее — где он начальник второго порядка. Но не его начальник. «Интересно, сколько там всего начальников второго порядка, сколько всего порядков, сколько вообще людей», — подумал он.

— Еще я могу предложить вам должность ответственного за каналы, — продолжал врач, когда они вернулись. — Там надо хорошо понимать, но я вижу, что ваш ум годится. Вкратце говоря, вы будете специалистом по смыслу. Мы получаем смысл по непосредственным каналам, от Управления традирования смысла; можно сказать, от самих Светлых ворот.

Исследователь спросил:

— А разве каждый не может спросить о смысле напрямую?

— Про свой собственный смысл каждый может, конечно, спросить напрямую. Но только про свой собственный.

— Мне про другой не надо, — сказал Исследователь.

— Хорошо. Третья ваша возможность — быть преподавателем и ученым. Вы видели в школе, там, где, занимаются мистическими учениями. Там первое дело — научиться различать смысл и значение...

Исследователь не стал даже вникать.

— Я должен быть на Периферии, — сказал он. — Таков лично мой выбор. Я чувствую, что это совпадает с замыслом Творца слов обо мне и даже не только обо мне. Кто видел ее изнутри, тот никогда не сможет оставить ее за спиной. Но если будет прямой приказ начальства, то я, конечно, буду нести службу там, где прикажут.

Врач покачал головой.

— Нет, прямого приказа не будет. Кстати, я сделал запрос по каналам относительно вашего прошлого этапа. Не было ли там за вами убийства или чего-то в этом роде. Ну и вот отвечают, что что-то в этом роде было. Я не стал уточнять. Во всяком случае, не приступайте к совершению расстрелов, пока не разберетесь с этим.

На прощание Исследователь зашел в школу и храм. В школе увидел нескольких незнакомых человек и того раввина, которого видел в первый раз. Раввин ему приветливо улыбнулся. И правильно — чего бы не улыбаться человеку, который всю жизнь занимается Каббалой?

— Скажите, а все-таки в двух словах — в чем мистический смысл операции выбора произвольного элемента из континуума?

— Совсем в двух? — тот засмеялся. — Ну, совсем в двух будет так: Б-г все знает.

«А чего я, собственно, ожидал». — подумал Исследователь. Возможно, на периферии ему больше пригодились бы каббалистическое дифференцирование, но увы — этим надо заниматься или серьезно, или никак.

В храме народа не было. Он стал слушать орган. Ни о чем не думал, потому что не знал, ни о чем подумать, ни о чем попросить. Вроде бы Творец смыслов уже знал все его просьбы. Вот так молча стоял, слушал орган, потом до него дошло. Как узнать, что было на предыдущем этапе, о чем он забыл? Надо лишь перевернуть образ. Он перевернул и вспомнил.

Да, это была несчастная случайность, он совершил это без намерения. Был увлечен исследованиями, поспорил с коллегой. Коллега был неправ. Повысил голос, допустил несколько некорректных выражений. Да в тех условиях никто не обратил внимания. Там было в некотором роде почище, чем на Периферии. Все равно что два уголовника с Периферии дали друг другу по морде. В наряд обоих мыть стену вне очереди, и все дела... Но у коллеги случился удар, и он умер.

Никто, конечно, не обвинял Исследователя в убийстве, даже по случайности. Между этими двумя вещами даже не провели связи. Да

и сам Исследователь нес службу на Периферии, а не, скажем, на Территории и не у Светлых ворот, вовсе не из-за того случая. А по причине длительного обрыва связи с Творцом смыслов. А из-за того случая он только проникся отвращением к убийству.

Убийство — это не дело человека. Тот, кто убивает, сует руку в чужую воронку, а там пустота, и это чужая пустота. Тот, кто убивает, трогает чужую пустоту, и его собственная пустота как бы сворачивается, его воронка делается как бы перекошена, и он этого он сам полумертв. Лучше было бы ему даже не родиться.

Он задал врачу вопрос, который беспокоил его больше всего:

— Скажите, — спросил он, — а на Периферии есть способ поддерживать связь с Творцом смыслов?

— Нет, — ответил врач. — Кроме памяти. Туда не идут каналы. Так надо, иначе будет иссякать пустота... Вы только что отказались учиться, так что не поймете, почему так. Я дам вам с собой немного упакованного смысла. Вот, — он протянул крепко закрытую коробочку. — Повесьте себе на шею. Легче будет помнить. Открывайте в самом крайнем случае и не берите много. А больше ничего нет. Ждите, когда придет время отпуска. Или закрытия вашего участка — бывает, что участок закрывают, если больше половины состава вдруг освобождается по амнистии.

Что же, нет так нет. Исследователь взял коробочку и аккуратно повесил на шею.

Интересно, что еще есть такой сосуд, наподобие чайника. Чайник вставляется в воронку, а носик его торчит наружу. О том, что чайник есть, многие даже не подозревают, потому что обычно он спрятан в воронке вместе с носиком. Чайник можно наполнять и выливать. А также он может кипеть сам по себе.

Большинство людей не умеет пользоваться чайником. Поэтому обычно получается, что из него выплескиваются ядовитые продукты брожения, которые попадают внутрь воронки и все портят.

О чайнике Исследователю рассказал врач, еще до прощания, а теперь Исследователь думал, что он должен вернуться на Перифе-

рию с чем-то. Ведь он изменился. И он мог, он должен был что-то принести туда.

А когда напоследок стоял в храме, он понял, что он теперь должен нести любовь. То ли Творец смыслов ему это подсказал, но, значит, очень деликатно, так что он не заметил. То ли он сам понял. Да, в принципе, это же ясно.

И вот как это может получиться: нужно наполнить чайник любовью и принести ее туда. Человек может наполнить свой чайник чем угодно, хотя многие не знают об этом. Тем более может не знать об этом тот, кто утратил связь с Творцом смыслов. Если связь с ним есть, то Творец смыслов это может объяснить. В принципе, это может объяснить и один человек другому человеку, но это намного труднее, потому что обычно никто не может показать другому, где у него чайник. Только Творец смыслов может сделать это понятным непосредственно.

— Настоящей любовью сам человек воспользоваться не может, — сказал ему врач. — Так что в принципе жалеть ее не нужно. Выливать из чайника, а там может появиться и новая. Чаще всего трудно не то чтобы расстаться с любовью, а вытащить чайник из воронки и наклонить его так, чтобы хоть что-то выливалось. В этом и есть основная трудность. Если это сделать, то любовь будет выливаться, и хватит ее надолго.

Странно, конечно, с любовью к уголовникам. Это гораздо больше подходит не для рядового начальника участка, а для какого-нибудь особого, сингулярного человека — например, для священника. Но священников на Периферии нет. Ведь это служители смысла, а смысл до Периферии не доходит. А вот любовь, выходит, может прийти... Странно, но, стало быть, так надо.

Ну вот, и с этим Исследователь отбыл назад на Периферию, к себе на участок.

Долгая одинокая дорога, опять вдоль труб. То мрачная ночь, то полный туман. Холод, мелькание каких-то призрачных огней вдалеке. Все как в первый раз, хотя в данном случае Исследователь был суще-

ственно лучше укомплектован: у него был ум на месте, исправленная воронка, в ней чайник, на шее коробочка со смыслом. Может быть, поэтому по дороге никто не попадался и его не бил. А может быть, так получилось, потому что никого не было.

Мельком прикинул радиус и по нему подсчитал примерную площадь Периферии. Получилась огромная величина. Наверное, на ней умещалось порядка 10^{10} человек. В смысле, уголовников. И еще раз в тысячу меньше неосужденных... Впрочем, досужие размышления, — прервал он сам себя.

* * *

Периферия встретила его невыносимой вонью. Довольно долго он был сосредоточен только на том, чтобы не задохнуться и не отравиться. Потом рванул не на участок, а к тому месту, где упал в трещину в стене и где расстался с кататоником. И увидел: тот лежал на том самом месте. Вместо трещины была яма. Видимо, он и не двинулся с тех пор.

— Ты вернулся, — тихо сказал он.

Коробочка со смыслом как бы сама пошевелилась на груди у Исследователя.

— Я принес тебе спасение, — сказал Исследователь, садясь с ним рядом на землю. — Спасение и много рассказов. И задачу. Задача состоит в том, чтобы понять, наконец, что такое смысл.

Он достал коробочку и открыл ее.

Долго смотрел в нее. В ней, внутри, была вся Территория, все его прошлое, вплоть даже до Светлых ворот. Память, законы мироздания, словом, все. Все это было нужно ему, а не кататонику, но он протянул ему коробочку.

— Спасение твое мне не нужно даже даром, — ответил кататоник. И правильно, оно было ему не нужно.

Исследователь убрал коробочку. Кататоник помолчал и попросил:

— Только не уходи больше, ладно?

Что тут происходило без него? Исследователь не стал выяснять. Вздохнул, взвалил друга на спину и потащил его в барак. Какой смысл разговаривать у трещины, когда и без того удивительно, как это он тут не замерз, пока ждал его.

— Тогда смотри, чего я тебе налью, — сказал он, доставая из воронки чайник.

И, что характерно, второй чайник тут же показался ему навстречу.

Начальник второго порядка вызвал его, кратко похвалил за быстрое возвращение и послал на учебу, овладевать техникой расстрелов. Он отправился без вопросов. Уже был к этому готов.

Его учил инструктор, чем-то напоминающий врача.

— Что у вас отвращение к убийству, это хорошо, — сказал он. — Расстрелы и нужно совершать с отвращением.

Исследователь ничего не говорил. Ему было странно любить уголовников, но расстреливать — не странно, а предельно непонятно. Судя по всему, самое естественное отношение к уголовникам у нормального человека — это отправить их на периферию и либо запихнуть в барак, либо заставить мыть стену.

Однако он овладел требуемой техникой. Техника была довольно странная. Расстрел — это удар по воронке. Происходит он около стены. Он происходит так, чтобы прострелить стену насквозь. Расстрельные орудия специально изготавливаются для этого. Воронка встает поперек стены, на какое-то время в стене появляется канал. Пустота воронки и пустота за стеной соединяются, далее что-то происходит, этого никто не знает, и затем стена силой своего давления сплющивает воронку, закрывает канал, восстанавливает свою целость. Про образ ничего не говорится. Он может отлететь куда угодно. Но обычно никуда не отлетает, а сам собой, от удара, расплющивается о стену. И то сказать, образы там были такие, что так и хотелось их расплющить. Они напоминали клубок спутанных грязных волос.

Сначала после того, как он стал расстреливать, все было вроде нормально. У него появились другие измерения. До тех пор он смот-

рел на уголовника и видел перед собой только уголовника. А если смотрел на стену, то видел стену. А теперь, когда смотрел на уголовника, видел вереницу расстрелянных им людей. И поэтому он видел множество потенциальных возможностей этого уголовника, которые никогда, возможно, не исполнятся. Но он их видел. Он чувствовал, что это знание переводит его в другое измерение. Наверное, делает более могущественным.

А когда смотрел на стену, то видел... о, что он видел! Но этого нельзя рассказать, а проще всего сказать, что он видел ее будущее. Больше он не прятал ум в сумку. Он использовал его для предсказаний. Землетрясения, дыры, трещины и разломы, прорывы пустоты — все это было связано с тем, что происходит на Периферии. За серией расстрелов на одном участке всегда следовала серия землетрясений на соседних. Если на одном участке кто-нибудь погибал, то на соседних появлялись новые трещины и множество, множество пятен.

Вообще, начальник любого участка отвечает за технику безопасности. Если у него в результате несчастного случая гибнет человек, все равно уголовник или неосужденный, то начальник идет под трибунал. А потом простым уголовником отправляется мыть стену. Поскольку большинство начальников безвозвратно сожгли свой ум, они не могут предсказывать аварии. Либо им остается надеяться на удачу, либо они принимают меры. Например, они запрещают контингенту передвигаться вблизи стены поодиночке. Это нерационально, мыть стену большим отрядом, но он несчастных случаев это, конечно, страхует. Или некоторые выставляют стражу.

Исследователь в этом смысле мог гораздо больше. Почти все аварии у себя на участке он предвидел и встречал их подготовленным. Туда не посылал безоружных людей с тряпками мыть стену, а посылал небольшой отряд с лопатами. И у него на участке не было несчастных случаев и катастроф.

Сначала он думал, что этот обязательный грех, совершение расстрелов, он искупит хорошей организацией участка. У него не гибли

случайно люди. А еще он для многих находил поводы ходатайствовать об амнистии.

Но одно другим не искупалось, лежало как бы в разных измерениях. Измерение аварий, измерение расстрелов, измерение амнистий, измерение, в котором существовал друг-кататоник. Последний, кстати, стал поглядывать на Исследователя с молчаливым уважением. Расстрелы что-то изменили в его отношении.

Интересно, что собственную судьбу и собственный уход он тоже рассчитал заранее. И он ничего не сделал, чтобы это предотвратить.

Это случилось посреди серии расстрелов — редкий случай, когда сотрясение стены приводит к тому, что она лопается в том самом месте, где стреляют. Обычно-то сопутствующие расстрелам землетрясения бывают довольно далеко. Перед тем, как упасть в трещину, Исследователь увидел далекое будущее Периферии. На фоне вечных костров из мусора — много-много аварий, расстрелов, несчастных случаев, кататоников, безнадежных попыток залить это из маленьких чайников с любовью.

Потом стена лопнула, и его воронка встала перпендикулярно. Пустота соединилась с внешней пустотой. За ней покати́лась, подскакивая на камнях, плотно закрытая коробочка со смыслом. Маленьким посланием от Светлых ворот в бесконечную пустоту за стеной.